

Швейцарец. Возвращение

Автор:

Роман Злотников

Швейцарец. Возвращение

Роман Валерьевич Злотников

Швейцарец #2

Алекс Штрауб, некогда эмигрировавший в Европу из бывшего СССР, сумел на собственном горьком опыте убедиться, что не так-то легко повернуть колесо мировой истории и при этом не наделать ошибок, которые дорого обойдутся человечеству. Первое вмешательство в ход событий привело к победе Третьего рейха во Второй мировой войне. Второе – помогло товарищу Сталину сохранить Советский Союз, но Вторая мировая война продлилась дольше, и итоги ее были хуже, чем в первичной для Алекса реальности. Казалось бы, пора остановиться и начать обживать в измененном собственными героическими усилиями времени, в Швейцарии, которая стала совсем родной, но... Алекса совсем не устраивало то, что у него получилось. Он хотел жить в лучшем будущем...

Роман Злотников

Швейцарец. Возвращение

– Арам, привет дорогой!

– Добрый день, – осторожно ответили из трубки. – М-м-м... простите, не узнал...

Алекс улыбнулся. Это было вполне объяснимо. Когда ему делали пластическую операцию, то поработали и с нижней челюстью. Не то чтобы это планировалось специально, просто после того удара о камин у него образовалась трещина в кости, которая заросла немного неправильно, вследствие чего он стал шепелявить. Вот и пришлось, так сказать, «пройтись умелой рукой». Плюс вследствие пластики изменились ещё и формы носовых пазух. Так что голос у него теперь был немного другой.

– Это Александр. Помните ещё такого?

– Александр? – голос стал несколько боязливым.

– Ну да, человек, который сошел к вам с небес, – и Алекс тихонько рассмеялся...

Саша Штрауб родился на исходе бурного двадцатого столетия от рождества Христова в Энгельсе, небольшом городке, расположенном на левом берегу великой русской реки Волги точно напротив Саратова. Отца Саша не знал, потому что его родитель, одаривший сына столь «европейской» фамилией, исчез с горизонта ещё до его рождения. Матушка Саши сына любила, но характер у нее был совсем не сахар. Так что, скорее всего, у исчезнувшего папочки были некоторые основания для такого поступка. Что, впрочем, его совершенно не оправдывало... А ещё у нее была мечта. Она страстно мечтала уехать из России куда-нибудь в «цивилизованные» страны, то есть в Европу, Америку либо какую-нибудь Австралию, что, кстати, и послужило одной из основных причин того, что она выскочила замуж за отца Саши. Дело в том, что Штрауб-старший был потомком поволжских немцев, когда-то высланных Сталиным в ледяные казахские степи, и на берегах великой русской реки он появился, уже имея мысль здесь надолго не задерживаться, а при первой же возможности проследовать далее в сторону, так сказать, родины предков... Но столь удачный план отчего-то окончился полным провалом. Поэтому она решила сделать главным инструментом воплощения этой своей великой мечты собственного сына. Вследствие чего Саше с раннего детства упорно вдалбливалось в голову, что его главная цель в жизни – хорошо учиться, чтобы вырасти и непременно уехать. В Европу, Америку, да куда угодно, лишь бы подальше отсюда! А там – заработать много денег и перевезти к себе мамочку... Эта мысль вбивалась ему в голову настолько непреклонно и упорно, что уже к окончанию школы Саша готов был почти на всё, лишь бы только это позволило ему покинуть отчий дом.

Впрочем, против центральной идеи – «уехать в Европу» – он особенно не возражал. Жить в той самой «цивилизованной стране», о которой ему так красиво рассказывала мама, то есть в такой, в которой всё устроено красиво и разумно, где все, без исключения, люди живут богато и спокойно, где нет почти никаких проблем, а те, что есть, решаются быстро, но при этом исключительно демократично и цивилизованно, представлялось ему вполне достойной целью... А если человек ставит перед собой какую-то цель, то есть действительно ставит – по-настоящему, начиная работать на ее достижение без расслабонов и перерывов на «чисто отдохнуть» и бесконечных оправданий собственных неудач и слабости в виде обвинения в них кого угодно – родственников, соседей, начальников, полицию, чиновников и премьер-министра с президентом, то он ее всегда достигает. Причем скорее рано, чем поздно. Так что к двадцати трем годам Саша, который теперь именовался «Алексом» (потому что данное ему при рождении имя казалось парню недостаточно «европейским»), сумел-таки покинуть пределы отчизны и оказаться там, где так сильно жаждал, – в Европе. В Австрии. И, более того, в Вене, столице этой страны. А столицы, как известно, дают куда больше возможностей, чем провинция. Вот и у него тоже получилось ими воспользоваться. Так что Алекс сумел и получить вид на жительство, и найти вполне приличную работу с очень неплохими перспективами на будущее. Так что всё, казалось, идет согласно их с мамочкой планам и чаяниям. И надо же ему было в этот момент сунуть свой нос в те дурацкие развалины...

– А, Алекс! Рад вас слышать... – да уж, радость в голосе собеседника искать пришлось бы с фонарями и собаками. И то не факт, что получилось бы. А вот фальши в нем хватало. – Как ваши дела? Смогли решить ваши проблемы...

– Да, более-менее, – усмехнулся Алекс, после чего продолжил: – Я вам вот почему звоню. Я свои проблемы в общем и целом решил, но вот мои... м-м-м... недоброжелатели, как выяснилось, так и не успокоились. И, как мне сообщили весьма информированные люди, предпринимают очень интенсивные усилия, чтобы найти меня или хотя бы мои следы. А как вы понимаете, отыскать мой след в вашей... м-м-м... жизни особенного труда не представляет. Или вы не согласны?

– Это-о... не очень хорошие новости, – в голосе собеседника явственно почувствовался страх.

– Я тоже так считаю, – согласился Алекс. – И мой звонок вам вызван именно тем, что я не хочу, чтобы вы пострадали. В конце концов – вы мне серьезно помогли,

и я чувствую себя обязанным вам за это. – Алекс сделал паузу, давая собеседнику время проникнуться его словами, после чего продолжил: – И в связи с этим у меня к вам будет предложение.

– Вот как? – на том конце провода, похоже, крепко задумались, а затем эдак осторожно уточнили: – И какое же?..

Семь лет назад Алекс, неожиданно для себя, провалился в прошлое. В тысяча девятьсот двадцать первый год. В полуразрушенную после недавно закончившейся Первой мировой войны и эпидемии «испанки»[1 - Испанский грипп, или «испанка» – пандемия гриппа, охватившая мир в 1918–1919 гг. По оценкам, в мире ею было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты того времени. Умерло приблизительно 50—100 млн человек или 2,7–5,3 % населения Земли. Эпидемия началась в последние месяцы Первой мировой и быстро обошла этот крупнейший на тот момент вооружённый конфликт по масштабу жертв.] Европу, которую к тому же вовсю трясло ещё и от отголосков невиданного социального эксперимента, охватившего одну шестую часть суши... Получив вместе с этим «неожиданно» и всю кучу сопутствующих проблем – отсутствие документов, денег, незнание текущих реалий и так далее. Выкарабкаться из этого клубка проблем ему удалось только чудом. Но удалось. А когда он сумел-таки как-то обустроиться в прошлом, то вспомнил мудрую мысль о том, что любая проблема это, кроме всего прочего, ещё и новые возможности. После чего парень решил попытаться воспользоваться этими самыми возможностями, чтобы слегка улучшить свое благосостояние. И здесь, в прошлом, и, если получится вернуться, в будущем. В конце концов, многое из того, чему он учился в своём университете, будучи прилежным студентом, здесь пока неизвестно даже академикам и нобелевским лауреатам. Потому что ещё никем и нигде не открыто!

Ну-у... с благосостоянием всё получилось более-менее. То есть оно улучшилось. Хотя далеко не так, как он рассчитывал. Да и с доступом к собственным деньгам тоже нарисовались проблемы. А вот с будущим... Короче, вернуться в будущее ему удалось. Но в какое... Он попал в будущее, в котором Гитлер выиграл Вторую мировую войну. Так что никакого СССР или России в том будущем не существовало.

Алекс никогда не считал себя особенным патриотом, скорее исповедуя принцип: «Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше», но то, что он увидел во время путешествия «в восточные земли рейха», потрясло его до глубины души. И

зародило желание исправить свою ошибку. Конечно свою – а чью же? Ведь до попадания Алекса в прошлое Гитлер проиграл, а вот после... Парень долго искал, где именно он так сильно накосячил, чтобы история сделала столь крутой поворот, однако, несмотря на все его усилия – упорное изучение исторических источников и попытки детально восстановить всё, что он делал и говорил, будучи в прошлом, парень так и не смог найти ту свою ключевую ошибку, которая единственная и привела к такому результату. То есть исправить прошлое, устранив всего одну ошибку, – оказалось невозможным. А значит, вариант вырисовывался только один – выйти на руководство СССР и помочь этой стране подойти к войне хотя бы более подготовленной, чем это случилось в новом варианте реальности. То есть вернуть, так сказать, равновесие сдвинутым чашкам весов Фортуны, добавив веса теперь уже на другую чашу. Ну и естественно, что лучшим контрагентом для подобной акции Алекс посчитал Сталина. А кого ж ещё-то?..

Закончив разговор с Арамом, Алекс поднялся из-за стола и подошел к окну. Из окна открывался впечатляющий вид на горные склоны Пиренеев, живописную деревушку Аринсаль и пик Кома-Педраса – самую высокую вершину Андорры. Этот дом он купил полгода назад и во многом именно из-за этого вида. А въехал в него только два месяца как. Всего же в этом будущем он находился уже более полутора лет. А точнее – год и девять месяцев.хлопоты с документами, обеспечением доступа к счетам, пластической операцией, новыми документами, уже с другой физиономией и личными данными – отняли очень много времени. Да и вообще, куда торопиться-то было? Он вернулся в тот вполне современный и технологически развитый мир, из которого уходил. Ну, почти. Нынешний всё-таки немного отставал от уровня, существовавшего в тот момент, когда Алекс начал свои путешествия во времени. Причем «немного», это если иметь в виду только техническую сторону. Но всё же в любом случае не двадцатые годы... Он – богат. А у богатого, как это говорится в пословице, везде родина, не так ли? Ну и чего ему ещё надо? Только обустроиться и жить в свое удовольствие. Вот он и обустроивался...

Второе путешествие в прошлое, предпринятое для устранения ошибок, оказалось несколько более успешным. Ему... ну, наверное, всё удалось – и привлечь внимание, и встретиться со Сталиным, и передать собранную информацию, и... попасть в ОГПУ. Впрочем, он этого вполне ожидал, так что не слишком удивился. А как иначе-то, если к Сталину? Ну вот такие у него были представления... Как бы там ни было, вернувшись в будущее, Алекс уже не застал флагов со свастикой над швейцарскими муниципалитетами. Хотя результаты войны для СССР всё равно оказались хуже, чем в «эталонной» (ну,

для Алекса) реальности. Так, например, война продлилась на полгода дольше, Берлин взяли союзники, а столицей ГДР, которая в этом варианте реальности оказалась раза в два меньше, стал размолотый в пыль «союзными» бомбардировками (так же, как это было, кстати, и в «эталонной» истории) Дрезден... Да и в его личной жизни изменилось не слишком многое. Как выяснилось ещё во время первого попадания, просто положить деньги на счет в прошлом вовсе не означало автоматически получить к ним доступ в будущем. Но если во время первого «возвращения в будущее» парню удалось получить доступ к своим деньгам, отдав всего половину накопленного, то во второй раз ему пришлось довольствоваться всего где-то одним процентом. Отдавать свои собственные деньги всяким жадным ублюдкам и довольствоваться тем, что «хорошо, что вообще не убили», было очень обидно. И потому парень решил сделать ещё одну попытку...

Отвернувшись от окна, Алекс подошел к столу и, собрав письма, с которыми работал до звонка Араму, сложил их стопочкой и убрал в сейф. Очередной раунд переписки с парочкой швейцарских банков снова закончился ничем. Ну, с его точки зрения... Швейцарцы-то, скорее всего, считали этот раунд своим успехом, потому что им снова удалось не отдать ему его собственные деньги. Алекс усмехнулся. Тот, кто придумал, что самый надежный способ сохранить свои деньги – это положить их в швейцарский банк, ничего не знал о швейцарских банках. Слава богу, Алекс за парочку предыдущих возвращений «назад в будущее» кое-чему научился. И в первую очередь диверсификации вложений. Вследствие чего у него на этот раз оказалось достаточно денег не только для того, чтобы решить самые главные проблемы, преследующие человека, оказавшегося без документов, связей и какого бы то ни было опыта проживания в данном социуме в незнакомой стране, но и на жизнь кое-что осталось. Хотя и куда меньше того, на что он рассчитывал. Впрочем, в этом он по большому счету оказался виноват сам. Если до него не дошло, что после пожара и его мнимой смерти все его патенты довольно быстро будут признаны выморочными, так кто ему доктор?

Возвращение Алекса в очередное «новое будущее» началось с... ну, наверное, курьеза. Хотя опасность для жизни и здоровья оказалась вполне реальной. Дело было в том, что дом, который он как раз во время своего последнего по счёту попадания в прошлое успел построить на месте расположения портала, во вновь возникшем будущем купили... кто бы вы подумали – беженцы из Армении! Ну как беженцы... Если беженцы смогли себе позволить купить дом в Швейцарии, то совершенно ясно, что бежали они отнюдь не от нищеты и беспросветности. Да и с остальными причинами, срывающими людей с насиженных мест и

заставляющими их покинуть отчий дом, родной край и свою страну, у них, скорее всего, всё обстояло не так уж остро. Но... по всем документам они проходили именно как «беженцы». Впрочем, это выяснилось заметно позже. И самого Алекса затрагивало не особенно. А вот то, что эти «беженцы» решили слегка изменить интерьер дома – затронуло его очень сильно... Потому что в момент перехода Алекс со всего маху приложился о массивный камин, который новые владельцы пристроили как раз к той стене, за которой и размещался портал. Так что почти сразу же после перехода парень потерял сознание. А очнулся только через час. Слава богу, не в полиции, а в кровати в одной из спален, расположенной на втором этаже его бывшего дома. Правда, без вещей и золота, которое он нес с собой, и прикованным наручниками к подводной трубе батареи водяного отопления, проходившей по стене рядом с кроватью...

Парень криво усмехнулся, припомнив, как буквально вертелся ужом, объясняя свое попадание в гостиную семьи Аракелян... Слава богу, при его контакте с внезапно возникшим на пути камином произошло нечто типа взрыва или чего-то вроде сильного энергетического выброса, который не только очень нехило врезал по нему, но и ещё и заметно повредил крышу прямо над камином. Так что изложенная парнем весьма сумбурная история о похищении, схватке с похитителями и прыжке из их самолета, которую он буквально «сляпал на коленке», при всей недоверчивости новых хозяев его бывшего дома, как-то прокатилась. Возможно, дело оказалось в том, что Алекс к настоящему времени уже в достаточной мере овладел искусством многозначительного умолчания и глубокомысленных вздохов, помогающих собеседникам самим додумывать недостающее, переводя его в недоговоренное и тайное. Человеку ведь свойственно не только преувеличивать собственную проницательность, но и получать удовольствие от несомненных подтверждений ее наличия и глубины. Вот и на этот раз всё сработало приблизительно так же, как это уже случилось ранее с фрау Мартой и Бригиттой... К тому же набор странных атрибутов, обнаружившихся на неожиданном «госте» типа пояса, набитого золотыми монетами, и старинного, даже где-то антикварного пистолета, производства аж начала прошлого века, тоже как бы намекал, что его история если и не полностью совпадает с рассказанным, то как минимум всё равно очень далека от обыденности. Предположение, что вор и грабитель полез в дом, предварительно надев пояс с сотней золотых монет, казалось куда менее вероятным, чем то, что рассказанная история всё-таки может иметь некоторое отношение к действительности. А подробностей новые хозяева его дома знать особенно и не захотели, похоже, являясь приверженцами весьма прагматичного жизненного принципа: меньше знаешь – крепче спишь...

В общем, переговоры с новыми хозяевами дома, к которым он так неожиданно и бесцеремонно... ну, можно сказать, ввалился, прошли вполне удачно. Во всяком случае, на его взгляд... Нет, с золотом, которое было при Алексе в момент перехода, пришлось распрощаться. И, более того, потом ещё и добавить. Со счетов, доступ к некоторым из которых, благодаря мерам, предпринятым им в прошлом, на этот раз оказался заметно более легким, чем во время его предыдущих путешествий «назад в будущее». Но зато Аракеляны помогли с начальными документами. А золото, которое он нес на себе, как раз и предназначалось в первую очередь именно для подобных целей. Да и последующая «добавка» составила не более пяти процентов от общей суммы тех средств, к которым он получил доступ на тот момент. Всё остальное досталось Алексу. Так что в этом очередной раз обновившемся будущем, он наконец-то стал настоящим мультимиллионером. Поэтому можно было считать, что главная задача, которую он ставил перед собой ещё во время своего первого провала в прошлое, была выполнена. Вот только будущее, в которое он вернулся, снова оказалось не совсем таким, в котором ему хотелось бы жить...

Алекс снова усмехнулся, после чего поднял телефон и привычно мазанул пальцем по единичке, активируя сохраненный в памяти номер, коротко бросил в микрофон:

– Жак, зайди...

Когда секретарь (он же водитель и телохранитель) появился в кабинете, Алекс молча указал ему на кресло перед столом и, дождавшись, пока тот сядет, заговорил:

– Завтра вылетаешь в Швейцарию. Из Тулузы. По прибытии возьмешь машину в рент-каре и доберешься до Люцерна. Там сдашь машину и возьмешь другую. В новой сети. Потом позвонишь по этому телефону, – Алекс несколькими движениями пальца скинул ему на мобильник номер, по которому только что говорил. – Тебе скажут, куда подойти. Затем вы с человеком, с которым ты встретишься, оформите на тебя дом в лесу, расположенный неподалеку от деревни Унтершехен. За дом заплатишь сколько попросят. И как скажут – переводом, наличкой, золотом или чем-то ещё. Хоть золотом или необработанными алмазами. Я дам тебе доступ к моей ячейке в Hottinger&Associates[2 - Hottinger&Associates Zürich AG – один из старейших банков Цюриха.]. После этого дождешься, пока нынешние хозяева выедут, подождешь ещё дня два-три и сожжешь дом. Всё понял?

Жак молча кивнул. Он вообще был молчаливым...

Самым главным отличием этого будущего от всех предыдущих являлось то, что здесь случилась ядерная война. В сорок восьмом. И это отличие наложило на то будущее, в которое он вернулся, свой неизгладимый отпечаток... Нет, никаких особенных следов ядерных бомбардировок или взрывов ядерных фугасов, заранее заложенных американскими саперами на пути советских танковых клиньев, типа бесконечных радиоактивных пустошей или полчищ мутантов в стиле Fallout[3 - Fallout (англ. – «Выпадение радиоактивных осадков») – компьютерная ролевая игра, действие которой происходит в мире, пережившем ядерную войну.] здесь не было. Да и с другими, менее выразительными физическими, логистическими и топографическими последствиями применения ядерного оружия к моменту появления Алекса в этом времени уже всё было в порядке – огромные воронки сгладились и заросли, мосты и дороги были отремонтированы, а городские кварталы – восстановлены. Ну, дык и в той же Хиросиме Мемориальный парк мира, построенный на территории бывшего округа Накадзима, который стал эпицентром ядерного взрыва, был открыт уже в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. То есть всего через девятнадцать лет после ядерной бомбардировки. Здесь же к моменту попадания Алекса после них прошло более семидесяти. Так что все раны, нанесенные земле, полностью затянулись. А вот социуму...

Во-первых, здесь не было никакого Шенгена. Даже того весьма куцевого и ущербного, который Алекс застал в предыдущее возвращение. То есть все страны – от маленькой Словакии и до той же Франции по-прежнему бдительно стояли на страже своих границ. Причем охраняли они их очень по-разному. Скажем, границу между Францией и Италией путешественники, как правило, проходили более чем за час-полтора только летом. То есть в период отпусков и бешеного трафика. Впрочем, конкретно в августе этот процесс вполне мог затянуться часов на двенадцать. Ну, так то в августе... А вот зимой или в межсезонье – минут сорок, час, максимум полтора, и ты уже по другую сторону... Но чем дальше на восток – тем всё было сложнее. Скажем, граница между той же Германией и Польшей – это жуткая нудень в лучшем случае на три-четыре часа. А бывало, что и на сутки-двое. А между Польшей и Белоруссией – вообще inferнальная вещь. Преодолеть ее за время меньшее, чем семь часов, считается огромной удачей... Возможно, скорее всего, подобная жуть на самом деле являлась не столько следствием той давней войны, сколько не так давно случившегося и здесь распада СССР, но легче от этого не было. Казалось бы – и хрен бы с ним, – он-то живет в той самой «старой Европе»... но даже в ней всё

было далеко не так однозначно. И если франко-итальянская или, там, франко-испанская границы – ещё туда-сюда, то, скажем, для прохода через франко-швейцарскую или немецко-швейцарскую до сих пор было необходимо проходить через дозиметр и предъявлять медицинскую карту. А если погранслужба посчитает карту поддельной – то в лучшем случае ты застреваешь в санпропускнике аж на те же двое-трое суток, то есть на время обработки сданных тут же анализов, а в худшем – тебя вообще могут выпнуть из погранзоны без объяснения причин. Да ещё и с довеском в виде не только аннулирования визы, но и запрета на посещение Швейцарии в течение ближайших пяти лет.

С Алексом такое случалось три раза. Потому что сделать себе швейцарское гражданство ему в этот раз так и не удалось. Пришлось довольствоваться французским. И видом на жительство в Андорре, получение которого было для него изрядно облегчено круглой суммой, накопившейся на его номерном счету в одном из андоррских банков, доступ к которой, слава богу, оказался для него куда более легким, чем к другим его деньгам, которые лежали на счетах в банках Швейцарии. С парочкой из них, в число которых, кстати, входил и Berner Kantonal bank, он бодался до сих пор...

Вследствие всех этих неприятностей Алексу пришлось трижды делать новые документы. Слава богу, на юге Франции существенная часть муниципальных чиновников и служащих МВД, как и в покинутом им времени, была прикормлена выходцами из Алжира и Туниса. Вернее, она не столько была прикормлена, сколько в значительной степени напрямую состояла из выходцев из этой среды, в менталитете которых хорошие отношения с друзьями и родственниками, пусть и занимающимися криминалом, были куда важнее интересов государства и служебного долга. Ну и такие «этнические традиции», как хороший «бакшиш», также блюлись ими весьма свято... Финансово это всё ударило по нему не сильно, но ждать месяц, пока тебе сделают надежный новый паспорт и проведут его по всем необходимым базам данных, да ещё и на фоне столь неожиданного обрушения собственных планов, было неприятно. Нет, правду говорят, что не всё можно купить за деньги... Вот он сейчас мультимиллионер – и что? В этом мире у него куда меньше свободы передвижения, чем в том, из которого он провалился в прошлое в самый первый раз. Несмотря на все его миллионы, о таких путешествиях, которые парень вполне себе позволял, будучи со всех сторон обложенным кредитами и потому считающим каждый евро лаборантом нефтехимического комплекса OMV Petrochemie Danubia в Швехате, Алекс ныне мог только мечтать. Скататься на мотоцикле из Вены в Париж на выходные или устроить себе недельный тур Вена – Мюнхен – Кельн-Копенгаген – Стокгольм –

Амстердам – Франкфурт – Вена через шесть-восемь границ – бррр, только не здесь! Да даже с перелетами на арендованном за весьма солидные деньги «бизнес-джете» и то случались проблемы. Вследствие которых, например, самый близко расположенный к Люцерну и потому наиболее удобный аэропорт Эмменфельд для него теперь закрыт напрочь... Впрочем, не исключено, главная проблема была в том, что для всех «нынешних» мультимиллионеров он был никем. Возможно, только пока. Хотя-я-я... насколько Алекс помнил, все русские или, там, украинские, казахские, а также вроде как вполне себе евросоюзовские эстонские, латвийские или даже чешские, польские и венгерские миллиардеры и олигархи в покинутом им «первоначальном» будущем эту проблему решить так и не смогли. Невзирая ни на яхты стоимостью в сотни миллионов долларов, ни на дворцы в самых дорогих районах Лондона и Нью-Йорка, членство в престижнейших клубах или факты владения футбольными и баскетбольными командами. Даже типа престижнейшего «Челси»... Для снобистской тусовки Запада они всё равно оставались чужаками, которых, едва только представлялся первый же случай, сразу же начинали щемить и раздевать. Не обращая ни малейшего внимания на «оппозиционность режиму» и клятвы в верности демократии...

В США, этом «светоче демократии» и благословенной «стране иммигрантов», в этом будущем тоже был свой геморрой. Америка отчего-то оказалась довольно-таки ксенофобской страной. Ну, например, законы расовой сегрегации[4 - Несмотря на то что расовая сегрегация законодательно была запрещена определениями Верховного суда США ещё в 50-х годах XX века, фактически сегрегация в транспорте, школьном образовании и общественных местах в некоторых городах Юга действовала до 70-х годов.] в ней, как ни странно, были отменены не в пятидесятых годах прошлого века, а буквально несколько лет назад. Почему так получилось – Алекс так и не разобрался. Многие публицисты, которых он читал, когда интересовался этим вопросом, вроде бы обвиняли в этом некую Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности[5 - Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (англ. House Un-American Activities Committee) – комиссия палаты представителей конгресса США, действовавшая в 1934–1975 годах. Создана для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой» и в первые годы после создания была сосредоточена на противодействии фашизму. В 1938 году получила статус временной комиссии, в 1946-м – статус постоянной комиссии. В 1969 году переименована в «Комиссию по внутренней безопасности». С юридической точки зрения прилагательное «неамериканская» (un-American) означало деятельность, источники финансирования которой находились за рубежом. Кстати, член этой комиссии Хорас Джереми Вурхис был инициатором так называемого «Акта

Вурхиса», иначе именуемого «Законом об иностранных агентах». То есть власти США начали непримиримую борьбу с «финансируемыми из-за рубежа НКО» ещё в первой половине XX века...] под руководством сенатора со смутно знакомой фамилией Маккарти[6 - Джо?зеф Рэ?ймонд Маккарти – американский сенатор-республиканец крайне правых взглядов, с чьим именем связывают период политических гонений, известный как маккартизм.], которая в тех же пятидесятых годах отчего-то посчитала, что этнические движения «черных» сплошь «заражены коммунистической пропагандой». И продолжала упорствовать в этом даже после смерти мистера Маккарти от последствий алкоголизма[7 - Маккарти действительно страдал алкоголизмом и умер от «гепатита» (это так скромно обозвали цирроз печени) в больнице города Бетесда в возрасте 48 лет 2 мая 1957 года. Более чем за полтора года до окончания своих полномочий.]. Вследствие чего как раз в пятидесятых годах на всех, состоящих в этих движениях, началась жестокая охота, затянувшаяся аж до середины восьмидесятых, когда борьба «мракобесов» и «светлых сил» вышла на новый этап. Который, спустя столько лет, и закончился определениями Верховного суда США, окончательно похоронившими сегрегацию. Во всяком случае, юридически... И хотя непосредственно Алекса это вроде как и не касалось – он же не негр, в конце концов, но зато, как выяснилось, его очень даже коснулась та самая атмосфера ксенофобии и вообще весьма странный для него сильный антагонизм между американцами и европейцами, возникший из-за той самой ядерной войны. Дело в том, что европейцы, на его взгляд, вполне себе справедливо, считали американцев главными инициаторами ядерной войны, в которой основные потери понесли они, а основные приобретения достались на долю «союзничков». Американцы же основным «разжигателем» войны отчего-то считали Черчилля, который, мол, своей политикой и втянул Европу в войну, каковую она проиграла, а они, американцы, очередной раз пришли и спасли ее от коммунизма. А европейцы – неблагодарные свиньи...

В общем-то на самом деле все эти декларации были далеки от реальности. Победителей война не выявила. Советские войска сумели захватить всю Германию, но на Рейне остановились. Русских напугало то, с какой легкостью противник швырялся ядерными бомбами, разбрасывая их буквально десятками[8 - В нашей реальности США уже к концу 1947 года имели более 30 ядерных бомб, а в случае взятия курса на скорую ядерную войну их производство, несомненно, должно было быть увеличено.], а НАТО – то, что, несмотря на единоличное обладание американцами ядерным оружием и активное его применение, русские довольно быстро вышли к Рейну. Да и наработанный запас ядерных бомб и фугасов был уже израсходован почти полностью. К тому моменту, когда русские «ИСы» и «Т-44», поддержанные парой сотен новеньких «Т-54» и тысячами

оставшихся с войны «тридцатьчетверок», макнули свои траки в воды Рейна, у американцев на театре военных действий остался всего один ядерный боеприпас. Ещё два спешно волокли через океан в утробе американского тяжелого крейсера «Рочестер», хотя к тому моменту всем было совершенно ясно, что против этих «бешеных комми» три бомбы – ни о чем. Так что обе стороны, слегка подумав и попугав сами себя возможными последствиями продолжения эскалации, решили тихонько отыграть назад, сделав вид, что всё произошедшее – не более чем недоразумение...

А вот почему эта война вообще состоялась – Алекс так и не понял. Возможно, ее истоки следовало искать в том факте, что, несмотря на то что на этот раз Берлин снова взяли русские, война и в этот раз обошлась им куда тяжелее, чем в его первоначальной реальности. В этом варианте истории война закончилась не девятого мая, а одиннадцатого июня и стоила Советскому Союзу почти на полтора миллиона больше жизней, чем в той реальности, из которой Алекс начал свои путешествия. Впрочем, по сравнению с прошлой реальностью, где она закончилась четырнадцатого сентября, Берлин взяли американцы и англичане, а столицей ГДР стал Дрезден, этот вариант реальности было ещё ничего. В предыдущем потери – как СССР, так и Германии – превысили те, что были в первоначальной реальности Алекса на треть!.. Впрочем, и здесь со взятием Берлина тоже всё оказалось не совсем однозначно. Во всяком случае, с точки зрения американцев. Дело в том, что аккурат в тот момент, когда Егоров и Кантария водружали свой флаг над Рейхстагом, в Вустермарк и Потсдам входили танки Второй танковой дивизии США известной в американской армии под прозвищем «Ад на колесах». Так что к моменту прекращения огня, начавшегося менее чем через сутки после этого события, американские танкисты уже вовсю орудовали на западных окраинах столицы Второго рейха. Вследствие чего американцы на голубом глазу утверждали, что взяли Берлин вместе с русскими! Впрочем, это было для них вполне характерно...

Словом, после долгих размышлений Алекс вывел для себя вот такую странную последовательность. Когда СССР проиграл – будущее стало фашистским, когда СССР по итогам войны оказался совсем слабым – заметно притормозилось развитие цивилизации, когда СССР по итогам войны оказался просто слабым – разразилась ядерная война... Из чего следовал вывод – если он хочет вернуть то благословенное время, в котором ему вместе с его деньгами было бы жить приятно и комфортно, – надо сделать так, чтобы СССР вышел из войны в тех же силах и мощи, как и в том варианте истории, из которого он начал свои путешествия в прошлое. То есть ему хочешь не хочешь, а придется снова отправляться в прошлое. Правда, времени на подготовку осталось мало – всего

три месяца, но ничего, справится...

Алекс снова окинул взглядом вид из окна. Заснеженные верхушки гор окрасились золотом и багрянцем заката. Он некоторое время молча стоял, наслаждаясь прекрасным видом, а затем усмехнулся.

Да чепуха всё! И в этом будущем он со своими деньгами вполне себе прекрасно устроился. Просто ему хочется вернуться!

Глава 1

– Понимаете, молодой человек, если вы хотите, чтобы в вашем фантастическом романе соблюдалась хотя бы минимальная достоверность, то никакие чертежи вам, увы, не помогут.

– В смысле? – озадаченно спросил Алекс. Этому худому и седому до сизости деду, недавно разменявшему восьмой десяток, он был представлен как некий писатель-фантаст, работающий над новым романом. Дедок был капитаном второго ранга в отставке. Но поскольку она отставка с действующей службы состоялась ещё тридцать лет назад, основная его ценность была отнюдь не в этом, а в том, что последние четырнадцать лет дедок подвизался на должности старшего научного сотрудника Центрального музея Военно-морского флота, расположенного в только-только переименованной обратно в Санкт-Петербург второй (культурной) столице России... Дедка Алексу порекомендовал лично заместитель директора музея, представив одного как «нашу легенду». После чего быстренько удалился. Видимо, чтобы очередной раз насладиться пересчитыванием купюр во врученном ему Алексом конверте... Капитан второго ранга в отставке задумчиво пожевал губами, после чего аккуратно пригладил жиденькие остатки седых волос и наставительно начал:

– Дело в том, что кораблестроение, как и любое другое промышленное производство, очень сильно зависит от уровня технологического развития страны. То есть любой серийный корабль – это некий конструктор, составленный из кубиков, которые способна производить промышленность этой страны. Кубики эти очень разные. Причем их основа – это даже не столько имеющиеся или хотя бы разрабатываемые перспективные образцы вооружения либо

котлотурбинные установки. Гораздо важнее вещи куда менее заметные, но намного более фундаментальные – номенклатура выпускаемых сталей и сплавов, типоразмеры кабелей и доля производственных объемов, которые страна может выделить на флот, номенклатура мощностей и габаритные размеры производящихся электродвигателей, дизель-генераторов, гидравлических приводов, элементная база, номенклатура выпускаемых подшипников, наличие и загруженность станочного парка, способного обрабатывать крупногабаритные детали сложной формы... – тут дедок грустно вздохнул. – Так вот, какие бы самые точные и подробные чертежи ваш главный герой ни принесет в прошлое – советскому кораблестроению это не поможет. Те технологии, которые ему доступны в... каком вы сказали – двадцать восьмом году? Ага... так вот – это технологии начала двадцатого века. Приблизительно тысяча девятьсот десятых-пятнадцатых годов. Нет, кое в чем модернизированные, конечно... но в очень небольшой степени. И с большими купюрами. Увы, две революции и Гражданская война сильнее всего ударили по наиболее высокотехнологичным отраслям промышленности страны, к которым, несомненно, относится и кораблестроение... Посудите сами – первенец советского военного кораблестроения сторожевой корабль типа «Ураган», водоизмещением всего-то четыреста с небольшим тонн, строился три года, три! В США и Англии за это время строили линкор! Причем существенную часть оборудования этого корабля – отливки и поковки для турбозубчатых агрегатов, комплекты редукторов, зубчатые передачи – пришлось заказывать в других странах: Англии, Германии, Чехословакии. И, кстати, существенная часть иностранных поставщиков нас сильно обманула, так что пришлось спешно налаживать с нуля собственное производство...

Алекс мрачно слушал дедка, уставив взгляд в пустоту. Всё точно так же, как и у него, когда он выбирал технологии для патентования. Исходников либо нет, либо они страшно дороги, потому что производятся в лабораторных условиях... И как быть? Сталин просил «самые лучшие проекты», и в принципе Алексу ничего не стоило притащить ему, например, полный комплект чертежей линкора «Айова». Он точно был хорош, иначе бы американцы не держали линкоры этого типа в составе своего флота аж до две тысячи двенадцатого года. Или тяжелого крейсера типа «Орегон». Или легкого крейсера типа «Кливленд». Да-да, прежде чем отправляться в Питер, он хорошенько посидел на форумах, поэтому был более-менее в теме. Ну на уровне продвинутого юзера... Но, судя по рассказу дедка, толку-то от этих чертежей. На стеночку в рамке повесить? Он вздохнул.

– Ну-у-у-м-м... а что вы можете посоветовать?

– То есть? – дедок окинул его безмятежным взглядом.

– Ну, как можно продвинуть советский военно-морской флот?

– В двадцать восьмом? Никак! – дедок ехидно улыбнулся. – А зачем вам это? У вас же фантастика. Пусть прилетят инопланетяне и всё сразу сделают – и станки, и стапеля из воздуха сляпают, и инженерам и рабочим прямо в мозг знания и умения загрузят, и нужные пушки и торпеды щелчком пальцев сотворят, а лучше просто возьмут и построят все нужные корабли.

– С инопланетянами у меня в сюжете плохо... – уныло отозвался Алекс.

– Ну-у-у, тогда пусть ваш главный герой в первую очередь займется... электросваркой. И подготовкой персонала. Всякого – и рабочих, и мастеров, и конструкторов. Чтобы не было хотя бы тех грубых ошибок проектирования, от которых так страдали лидеры эскадренных миноносцев проекта один[9 - Первая серия крупных военных кораблей, созданная в СССР. Страдал множеством недостатков. Так, на полном ходу нос настолько сильно задирался, что не позволяло эффективно задействовать системы вооружения, на среднем – корабль плохо слушался руля, а на малом ходу вообще не слушался. Корпус получился слишком слабым. Вследствие чего невозможно было вести залповую стрельбу. Опасные напряжения, возникавшие в районе полубака с корпусом, создавали риск перелома корабля пополам при любом более-менее серьезном волнении. И так далее...]. Ещё неплохо заняться разработкой новых турбин. Кстати... – дедок слегка оживился, – в конце двадцать девятого в США разразится Великая депрессия. Отличный шанс получить крайне ценную техническую помощь, на которую в обычных условиях американские фирмы вряд ли бы пошли. Причем, если получится, не слишком и задорого. Во время Великой депрессии с заказами у американских фирм будет о-о-очень плохо, на чем можно сыграть... Американцам стоило бы заказать проекты турбин и котлов. Они к тому моменту уже были способны сделать паротурбинную установку с параметрами даже лучше тех, что были у ГЭУ[10 - ГЭУ – главная энергетическая установка.] эсминцев проекта семь, – он замолчал и снова пожевал губами, – с давлением где-то около тридцати пяти – сорока атмосфер и температурой пара в районе четырехсот градусов. Более высокие параметры лучше не закладывать. Немцы, при куда более высокой технической культуре, со своими турбинами с подобными высокими параметрами всю войну мучились... А вот те, что я сказал, и через десять-пятнадцать лет будут ещё вполне себе хороши. Впрочем... – дедок задумался. – Всё равно не в двадцать восьмом, – он сморщился. – Очень

неудобный год...

Выйдя на улицу, Алекс вздохнул и яростно потер лицо ладонями. Да уж, задачка... Ладно, флот флотом, но главная задача у него совершенно другая. Актуальность которой только что состоявшийся разговор как раз и подтвердил. Без серьезного апгрейда промышленности ни прошлое, ни будущее серьезно не изменишь. А значит, все эти флотские дела пока отодвигаются в дальний угол. Несмотря на, так сказать, личную просьбу Иосифа Виссарионовича. Как и вообще вся «военка». Хотя... Алекс задумался. Этот дедок в принципе натолкнул его на одну интересную мысль. Стоит составить список наиболее удачных проектов и образцов вооружения, которые СССР было бы неплохо прикупить на предмет организовать собственное производство. Ну всякие там «Эрликоны», «Бофорсы», пятидюймовые универсалки... что ещё там упоминали на форумах? И насчет заказов американцам тоже интересная мысль. Хотя заказы, скорее всего, ещё не в двадцать девятом, поскольку Великая депрессия началась в самом конце этого года, а в тридцатом или даже в тридцать первом. Когда финансовый жирок как компаний, так и отдельных людей будет уже подъеден, а перспективы выхода из кризиса всё ещё будут размыты. Хм... а ведь таким образом можно ещё и солидный кусок других технологий зацепить! Это ж сколько людей, умеющих как проектировать, так и изготавливать всякие станки, автомобили, корабли, двигатели, самолеты, телефонные станции, паровозы, плотины и мосты, окажутся без работы. Да и с самими станками и оборудованием тоже открываются очень большие возможности. Теоретически ничего не мешает буквально за копейки купить акции разорившегося и остановившегося предприятия, оснащенного очень дорогим оборудованием, после чего спокойно демонтировать его и вывезти в СССР... Тут в памяти Алекса возникло одутловатое лицо специального агента Донахью, и он, злорадно ухмыльнувшись, поднял руку, останавливая машину. Эти вопросы непременно стоило обсудить со специалистами...

Сразу после того как он решил совершить ещё один переход в прошлое, парень в первую очередь занялся изучением того, что изменилось со времен его прошлых попаданий. Сравнить Алекс мог. За две, так сказать, «сознательные» попытки изменения прошлого у него в голове отложилось достаточно информации, чтобы новые цифры не выглядели той самой пресловутой китайской грамотой.

Ну что сказать – первая пятилетка здесь оказалась выполнена куда лучше, чем в прошлые разы. В первую очередь из-за того, что сами планы оказались

сверстаны намного более реалистично. Во-первых, общее количество объектов, включенных в план, здесь оказалось почти на четверть меньше тех цифр, которые помнил Алекс, – чуть более тысячи двухсот, а не более тысячи шестисот с половиной, как он помнил. Во-вторых, и сами контрольные показатели также оказались куда ближе к реальным возможностям, нежели в тех вариантах истории, которые ныне остались только в памяти парня. Так, объем производства чугуна к концу этой первой пятилетки должен был достигнуть по первоначальному плану восьми, а по скорректированному на пленуме ВКП(б) в конце двадцать девятого и принятому на состоявшемся в следующем году XVI съезде партии так называемому уточненному плану – десяти миллионов тонн. В действительности же, как и в уже исчезнувшей истории, по итогам недотянули даже до первых показателей, выйдя на объемы в семь целых и три десятых миллиона тонн. Но, в отличие от «того» раза, сейчас недотянули совсем чуть-чуть, процентов на десять, а не тридцать-сорок, как тогда[11 - План первой пятилетки СССР был принят в мае 1929 года V съездом Советов и «уточнен» (в сторону увеличения всех плановых показателей) в 1930 году, после XVI съезда ВКП(б). Итоги пятилетки: электроэнергия – запланировано 22 Гвт/фактически произведено 13,5 Гвт, чугун – 10 млн т/6,2, млн т, трактора – 130 тыс. шт./48,9 тыс. шт., автомобили – 200 тыс. шт./23,9 тыс. шт. Так что, хотя по сравнению с началом пятилетки по большинству показателей был достигнут действительно вполне себе впечатляющий полтора-двух, а то и трех-пяти кратный рост, в реальности плановые показатели не были достигнуты...]. И остальные цифры почти по всем показателям, которые парень смог вспомнить (а он вспомнил много, не даром так активно сидел в DeNetz), также были лучше. По тем же автомобилям, скажем, прирост получился почти в три раза – их было выпущено шестьдесят восемь тысяч против двадцати четырех тысяч в старой реальности. А вот тракторов сумели наклепать даже больше плановых показателей – почти сто пятьдесят тысяч. Впрочем, когда Алекс порылся в деталях, выяснилось, что в трактора записали и те самые «мототелеги», чертежи и технологию производства которых он сам когда-то приволок советскому вождю. И это, с одной стороны, огорчило, поскольку на трактор эти убожества не сильно тянули, а с другой – обрадовало. Потому что, судя по тому, что парень сумел отыскать в Сети, всего из его предложений в жизнь оказалось воплощено только около половины. Скажем, производство тех же безопасных бритв до войны так и не освоили... И так как это случилось уже во второй раз, вполне возможно, что переданная им технология для промышленности СССР того времени просто оказалась неподъемной. Ну или денег не хватило. Впрочем, это было объяснимо. Отбирали-то и планировали весь тот набор технологий в основном недоучившиеся студенты...

Более всего во всём прочитанном Алекса озадачило то, на хрена Сталину потребовалось вновь наступать на те же грабли, то есть завышать плановые задания, хотя уж ему-то должно было быть ясно, что даже уже принятых показателей достичь вряд ли удастся. Впрочем, вполне возможно, дело было совсем не в Сталине. Ведь, как помнится, утверждал Воровский, непосредственно экономикой в СССР занимались совершенно другие люди. И эти цифры вполне могли быть результатом некоего компромисса именно с ними. Хотя понятно, что Сталин, так сказать, «образца двадцать третьего года» от «образца двадцать восьмого» очень заметно отличается по своим влиянию и возможностям... Или эта корректировка планов стала итогом некой борьбы за первенство внутри партии. Ну, типа, кто сделает больший замах – тот получит и большую поддержку партийных масс... Как бы там ни было – пятилетние планы опять оказались невыполненными. Но при этом точно так же, как и в первый раз, на весь мир было объявлено о выполнении первой пятилетки за четыре года и три месяца, и о перевыполнении ее планов, причем не на восемь, а аж на одиннадцать процентов! Ну зачем было врать? И без того ведь результат получился весьма впечатляющий...

До Кузнечного переуллка, где располагалась Санкт-Петербургская инженерно-финансовая академия, ещё несколько лет назад носившая название Ленинградского инженерно-экономического института имени Пальмиро Тольятти, он добрался на... «Скорой». Да-да, той самой – белой с мигалками. Если честно, он слегка охренел, когда карета «Скорой помощи» притормозила у обочины, и водитель, с дымящейся сигаретой в зубах, хрипло спросил:

– Куда? – да уж... реалии «постсоветчины» всё ещё продолжали его удивлять...

В своей бывшей стране Алекс после своего первого попадания в прошлое побывал всего один раз. Ну, вернее, не в стране, а-а-а... в восточных землях Райха. И с того момента ни в одном из «будущих» он здесь более не появлялся. Так что его новый опыт был... богатым. Впечатление страна производила жуткое. Вусмерть разбитые улицы и тротуары с огромными ямами и полуразрушенными бордюрами с торчащей во все стороны арматурой. Толпы вокруг входов в станции метро и автобусных остановок, торгующие черт-те чем – от носков и домашних огурцов в банках и до потертых курток и детских пальтишек, раскладывающих всё это на ограждения подземных переходов с полуотвалившейся плиткой либо побитых молью раскладушках, а то и прямо на земле, в лучшем случае подстелив под «товар» куски картона от разодранных коробок. Серые, выцветшие дома с регулярно обрушивающимися на головы

прохожих кусками штукатурки и перекосившимися и напрочь отказывающимися закрываться дверями подъездов. Жуткая грязь. Побитые машины с треснувшими стеклами и бамперами, прикрученными проволокой или, па-ба-бам, самым надежным фиксатором всех времен и народов – синей изолентой! И липкий страх, порождаемый практически ежедневными, если не ежечасными, сообщениями об убийствах, причем как заказных, так и случайных, а также избиениях, поджогах ларьков и магазинов, массовых драках между этническими бандами, состоящими из чеченцев, дагестанцев или там азербайджанцев, за контроль над рынками, магазинами, автовокзалами, кладбищами... Да уж, после того как Алекс хоть и самым краем, но погрузился во всё это, ему стало совершенно понятно, почему люди, прошедшие через подобное, так настойчиво и упорно голосовали за Путина. Это его, Алекса, ровесники либо вообще полный молодняк, собрав в кучу всё видимые вокруг недостатки и подзадориваемые так свойственной молодым нетерпеливостью и бескомпромиссностью, могли задорно орать: «Всё плохо, тягостно, уныло, хуже быть не может!» Эти же люди точно знали – что может, и намного... Причем, вот ведь что интересно, – именно они во многом всё это и устроили. Не менее задорно крича во времена своей собственной молодости, как всё плохо, гнусно, безнадежно и хуже уже быть не может. И единственный шанс на лучшее – это снести всю эту подлую и душащую «командно-административную систему» и убрать от власти этих одиозных личностей. Так что: «Партия – дай порулить!» И стоит всё это сделать, как всем очень быстро, считай сразу же, вот всего за полгода, год, ну максимум пятьсот дней – станет хорошо... А на трибунах стояли великие вожди, точно способные сделать всё, что нужно и как нужно, и тем привести всех в новое лучшее и светлое будущее – солнце и знамя всех честных людей по фамилии Ельцин, непримиримые борцы с коррупцией Гдлян с Ивановым[12 - Те?льман Хоре?нович Гдлян – советский и российский общественный и государственный деятель. Вместе со своим коллегой Николаем Вениаминовичем Ивановым расследовал так называемое хлопковое дело о коррупции в Узбекской ССР, после чего ушел в политику. Период его активной политической деятельности характеризуется небывалым взлетом преступности, в том числе и чудовищным ростом коррупции.], блестящий юрист Собчак[13 - Анато?лий Александрович Собчак – советский и российский учёный-правовед, политический деятель, первый мэр Санкт-Петербурга. Доктор юридических наук. Один из наиболее известных российских демократов новой волны. Принимал участие в разработке первой Конституции РФ. Пришел к власти под лозунгами борьбы с коррупцией, партократией и за демократию, однако во второй половине срока «прославился» громкими коррупционными скандалами и чрезвычайно вольным обращением с муниципальными деньгами, а также разгоном Ленсовета, вследствие чего проиграл выборы своему заместителю Владимиру Яковлеву.], авторитетный

экономист Попов[14 - Гавриил Харитонович Попов – советский экономист и российский политик. Доктор экономических наук. Один из видных лидеров демократического движения в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Мэр Москвы с 12 июня 1991 по 6 июня 1992 года. В Москве «прославился» тем, что полностью развалил городское хозяйство, буквально в течение нескольких месяцев приведя город в крайне удручающее состояние. Вследствие чего был вынужден уйти в отставку уже через год после избрания.] – и все сплошь умницы, профессионалы, да ещё и честные и порядочные люди со светлыми лицами, в отличие от этих унылых партократических рож совершенно точно знающие, что и как нужно делать. Ну не зря же им присвоили ученые степени докторов наук. Кто же – если не они?

А уже через год-два от всех этих «честных и порядочных людей со светлыми лицами» народ едва не тошнило. Да и то больше потому, что тошнить к тому моменту было, считай, нечем. Даже на жратву уже многим стало не хватать...

Заместитель директора ИНЖЭКОН профессор Ишельман оказался импозантным громогласным мужчиной, речь которого имела изюминку в виде явно выраженной картавости, встретил гостя радушно.

– Га-ад, га-ад, очень гад, – громогласно возглашал он, тряся руку Алекса. – Как добгались? Как устгоились? Коньяк? Водочки? Или, может, гому? У меня есть настоящий, ямайский!

Столь бурное радушие ученого мужа было вызвано тем, что в этом средоточии экономической мысли Алекс выступал уже не как проситель, пусть и такой необычный как писатель-фантаст, а как благодетель. То есть спонсор. Поскольку объем информации, которую он планировал получить в этом заведении, был довольно велик, а часть из нее, вполне возможно, до сих пор состояла под грифом как минимум «для служебного пользования», Алекс справедливо рассудил, что выступи он обычным просителем – результат можно будет ждать до морковкина заговения. Если вообще дождешься. Поэтому в институт заранее ушло письмо от имени спешно прикупленного им перед поездкой благотворительного фонда, подвизавшегося при одном из провинциальных испанских университетов, который уже лет десять как дышал на ладан, но всё никак не сподобился помереть. Фонд обошелся в довольно крупную сумму, почти на треть уменьшив доступные парню средства, так как за эти десять лет умудрился наделать немало долгов. Но оно того стоило. Выступая от имени фонда, Алекс сразу же получил почти максимально возможную для него в этот

момент и при данных условиях легитимность.

– В письме говорилось, что вы, кроме оказания материальной помощи нашему вузу, ещё и планируете заказать нам какое-то исследование? – деловито поинтересовался заместитель директора после того, как Алекс последовательно отказался от всего предложенного.

– Меня интересует экономика СССР довоенного периода, – спокойно сообщил ему Алекс. Профессор Ишельман озадаченно уставился на него.

– М-м-м, не совсем понял. СССР?

– Наш фонд проводит большую исследовательскую программу, посвященную участию СССР в Испанской войне, – пояснил Алекс. – Одним из важных компонентов этой программы является анализ довоенного экономического развития СССР. И мне поручено распределение грантов по данной тематике среди зарубежных исследовательских центров. Я предлагаю вам поучаствовать в этой программе.

– М-м-м... а почему вы не обогатились в профильные НИИ?

– Мы – университетский фонд и можем работать только с учебными заведениями, – спокойно пояснил Алекс. Хотя всё было не совсем так. Его заявление имело под собой основание, поскольку полностью соответствовало уставу фонда, но в этом положении устава имелась сноска, уточняющая, что исследования, проводимые не за счет средств фонда, а на собственные деньги жертвователя, не имеют подобных ограничений. Так что в принципе обратиться в специализированные НИИ или лаборатории парень вполне мог. И основной причиной того, что он туда не обратился, было опасение Алекса привлечь к себе лишнее внимание. По его мнению, профильные институты не могли не быть под колпаком тех органов, которые обычно принято было именовать компетентными. И хотя в творящемся вокруг развале был большой шанс проскочить, он всё-таки решил не рисковать. Да и времени оставалось мало.

– М-м-м... – осторожно начал заместитель директора, – связано ли обещанное вашим фондом оказание материальной помощи нашему вузу с согласием на участие в этой программе?

– Нет, – коротко ответил Алекс. – Но должен вам сказать, что грант на исследование составляет двести тысяч долларов.

– Вот как! – названная сумма профессора явно впечатлила. – Что же касается вашего предложения, то я думаю, что смогу убедить ученый совет поддержать...

– Зачем? – довольно бесцеремонно прервал его Алекс.

– Что зачем?

– Зачем убеждать ученый совет?

– Хм... ну как же. Нужно же внести в план исследований.

– Зачем? – снова повторил Алекс.

– Э-э-э... понимаете, деньги ещё не всё. При работе над заказанным вами исследованием нам, несомненно, потребуется отглаживать лапы в архивы, профильные министерства и другие организации. И чтобы мы могли делать это официально, за подписью директора, требуется включить тему исследования в план научной работы. А для этого...

– Взятки! – довольно бесцеремонно прервал его Алекс.

– Что, простите? – несколько обескураженно уточнил профессор.

– Я имею в виду, что очень многие проблемы с бюрократией можно решить небольшой денежной суммой. Причем в этом случае проблема точно решится куда быстрее, чем при использовании любой, даже самой высокопоставленной официальной подписи. – Заместитель директора ИНЖЭКОНа ошеломленно воззрился на него. Алекс усмехнулся.

– Не волнуйтесь, профессор, я – достаточно законопослушный гражданин и склонен решать любые свои проблемы максимально законным путем. Но понимаете, в чем дело, – меня в первую очередь интересует скорость и качество работы. В попечительском совете фонда я – новичок, и мне требуется показать себя. Причем быстро. А это – мой первый проект. Так что я крайне, – он

специально выделил это слово голосом, – заинтересован в быстром и качественном результате. И если потребуется каким-то образом... э-э-э... простимулировать ваших контрагентов для придания им большего ускорения – я готов на это пойти. В разумных пределах, конечно... Можете считать это не взяткой, а-а-а... ну точно такой же спонсорской поддержкой совет... то есть российской науки, в настоящий момент переживающей не лучшие времена.

– Вот как... – профессор задумался. – А эта... м-м-м... спонсорская поддержка будет осуществляться в рамках озвученного вами гранта или... – похоже, он считал озвученную Алексом сумму уже своей, и-и-и... ему уже совершенно не хотелось ею ни с кем делиться.

– Несомненно, сверх этих рамок. Но должен заметить, что все предоставленные доклады будут переданы на рецензии в другие организации. Как России и, скажем, Украины и Казахстана, так и крупнейших европейских и американских университетов. Того же Гарварда, например. Я же сказал – мне нужна именно качественная работа...

– Вот как... – снова повторил Ишельман с куда более задумчивыми интонациями.

– Но при этом должен заметить, что по итогам рецензирования будет выбрано несколько лучших докладов, и коллективы, их подготовившие, будут дополнительно простимулированы. Причем весьма существенно. Предполагается, что доклад, занявший первое место, будет поощрен удвоением гранта, остальные получат увеличение выплат в объеме от пятидесяти до двадцати пяти процентов.

– Вот как! – профессор заметно приободрился. – В таком случае могу заверить вас, что я готов всецело поддерживать участие нашего вуза в данной программе...

Глава 2

Алекс стоял и тупо смотрел на портал. Он не хотел его пропускать! Ну, то есть портал работал, потому что свечение было... да вот оно – стоит только протянуть руку и оно тут же заиграет отсветами на ладони, но вот пройти через портал не

получалось никак. Парень стиснул зубы и, перехватив чемодан с распечатками поудобнее, яростно прынул вперед... чтобы тут же шмякнуться на задницу, потирая лоб.

– Уй... чёрт! Больно... Да что ж ты, зараза такая... – а в следующий миг свечение пропало. Алекс несколько мгновений тупо пялился на серую, каменную поверхность скалы, а потом с силой врезал кулаком по чемодану.

– Вот зар-раза!..

Три месяца лихорадочной подготовки к переходу привели к тому, что он набрал много разной разрозненной информации, в отношении которой у него были сильные сомнения, что она действительно сможет как-то серьезно помочь. Но так уж получилось... Нет, поначалу все вроде как было нормально. Кроме Санкт-Петербургского ИНЖЭКОНа он вышел ещё на шесть экономических вузов и профильных факультетов разных университетов, посетив ещё и Москву, Казань, Ростов и Екатеринбург. Что же касается просьбы Сталина, то, пообщавшись с дедком, которому, похоже, доставляло истинное наслаждение обламывать все его прекрасные устремления, Алекс решил послать его на хрен и обратиться к «настоящим профессионалам». То есть воспользоваться уже опробованным с «экономистами» вариантом с фондом и сформировать через него несколько грантов, которые предложить кораблестроительным институтам и факультетам в Питере, Николаеве и Архангельске. Пусть подготовят предложения, основываясь на своих высоких профессиональных знаниях...

Щаззз! Деньги-то эти уроды взяли с большим удовольствием, а вот результат... Нет, доклады подготовили практически все. Но если, скажем, то, что предоставили ИНЖЭКОН и финансово-экономический факультет Казанского университета, можно было бы с натяжкой каким-то образом засчитать как исполнение заказа, то вот москвичи и особенно екатеринбуржцы, похоже, восприняли полученный ими шанс, как неожиданно представившуюся возможность слинять на счастливый Запад. Мол, надо только как следует «прогнуться» – и этот неведомый, но, несомненно, очень добрый западный хозяин (ну, разве западный хозяин может быть недобрым?) тут же это оценит и немедленно предложит такому замечательному и просто-таки пропитанному демократическими ценностями страдальцу-ученому, погибающему тут, в полуразрушенном «совке», уехать к нему в дальние, но теплые и ласковые страны. Ну или, в худшем случае, просто будет с ними несколько более щедрым... Алекс просто охреневал, читая в материалах перлы вроде: «В отличие

от любой другой нормальной экономики, которая, несомненно, построена на классических принципах «кнута и пряника», советская экономика могла работать только на принципах: «кнута и стенки». Вследствие чего она требовала крайней степени внешнего, то есть внеэкономического принуждения, обеспечиваемого лагерями и массовыми расстрелами. А когда, после падения сталинского режима, это принуждение исчезло, экономика СССР начала стремительно деградировать[15 - В этом варианте будущего СССР развалился уже в XXI веке.], к началу следующего века выродившись в экономику полукOLONиального типа, осуществляющую обмен высокомаржинальных видов необработанных сырьевых ресурсов на всё остальное – от высоких технологий до зерна, обуви, одежды и колбас. Достаточно вспомнить, каким пиететом в позднем СССР пользовались финский сервелат, американские джинсы и кроссовки «Адидас»...» Ребята, даже если всё это действительно было так (в чем Алекс всё-таки несколько сомневался), вам-то заказывали нечто совершенно другое. А именно – что лучше всего предпринять, чтобы хотя бы немного подтолкнуть довоенное экономическое и технологическое развитие СССР. Причем речь шла как раз о тех самых временах, когда, судя по вашим же словам, с экономикой СССР ещё всё было более-менее ничего. Ну, вследствие имеющегося в наличии того самого «внеэкономического принуждения». Кстати, Алекс его как-то особенно не замечал. Возможно, оно должно проявиться несколько позже, скажем, во времена тех самых «сталинских репрессий»... А может, его роль и вовсе была сильно преувеличена, а подобное словосочетание суть некая «мантра» или, там, пароль, призванный дать понять «доброму западному хозяину» (ну исследования же заказывались от имени западного фонда) о том, что вот здесь страдает и мучается вполне себе «ваш, буржуинский». Хотя отвергать с порога то, что за подобными заявлениями могла быть какая-то правда, тоже не стоило. Потому что советская экономика действительно после Сталина сначала резко снизила темпы развития, а затем впала в стагнацию, во время которой ВВП СССР более двадцати лет болталась в районе сорока процентов от ВВП США – год от года то подпрыгивая до сорока трех – сорока пяти, то падая до тридцати девяти. При Сталине же наблюдался постоянный и непрерывный рост. Так что до пятидесят третьего года СССР стремительно догонял США, «отвоевывая» у него процентов по десять за пятилетку. Ну, исключая, конечно, годы войны... Как бы там ни было, в Москву и Екатеринбург полетели по электронной почте грозные письма с требованием предоставить именно те доклады, которые и были заказаны, которые, похоже, привели контрагентов в когнитивный диссонанс. Потому что ничем иным растерянные отписки в стиле «приведенный анализ базируется на разработках Чикагской школы» или «сделан полностью в духе воззрений Милтона Фридмана» вызваны быть не могли...

С кораблестроительными делами ситуация оказалась ещё более худшей. Потому что один из контрагентов – Николаевский судостроительный – просто замолчал. Ну, вот так вот... Деньги по гранту пришли, их получение подтвердили – и на этом всё. Ни материалов, ни даже ответов на письма. Сеньорина Амайя, исполнявшая в купленном им благотворительном фонде обязанности секретаря и канцелярии, слала письма буквально пачками. Но на них никто не отвечал. А телефоны либо не брали, либо, взяв, сразу же начинали юлить и отговариваться тем, что взявший трубку не в курсе, а ректора нет, и декана тоже, и вообще она не знает, кто именно занимается исследованиями, и уточнить тоже не у кого, потому что «все на обеде», или «на ученом совете», или «ушли на митинг». Да уж, в отличие от исследований, митингами на территории не так давно и здесь распавшегося Союза увлекались жарко и искренне... Питер же и Архангельск вместо докладов прислали какие-то странные отписки, больше напоминающие студенческий доклад для семинара, в которых были просто тупо перечислены недостатки конструкции большинства проектов советских боевых кораблей довоенной постройки. Блин, да в его время в Википедии можно было вычитать куда больше и с куда лучшими подробностями!.. Ну а после того как Алекс разослал им гневные письма – замолчали, как и Николаев... Да уж, похоже, руководство постсоветских вузов оказалось больше озабочено сдачей учебных площадей в аренду коммерческим структурам, чем поддержанием должного уровня исследовательской работы во вверенных их попечению заведениях.

Зато с американскими университетами всё было наоборот. Здесь всё было четко – заказ, итог, деньги получены – отчет отправлен. Вот только из почти полутора десятков предложений, отправленных американцам, положительный ответ дали только двое контрагентов. Остальные отказались. Объяснив отказ слишком жесткими временными рамками. Да и два не отказавшихся согласились взяться за работу только после того, как поставленные задачи были серьезно откорректированы в сторону уменьшения. Иначе, мол, они не гарантируют качественного результата. Так что подготовленные ими материалы не закрывали даже трети тех задач, которые парень надеялся решить с помощью американцев...

Вследствие чего собранная Алексом к моменту перехода информация, по существу, представляла из себя набор разрозненных «кейсов», сколько-нибудь заметная полезность которых для экономического и промышленного развития Советского Союза начала двадцать восьмого года даже не слишком разбирающемуся в теме Алексу представлялась весьма сомнительной. Но уж чем богаты... Даже такая информация, по идее, всё равно лучше, чем ничего. Да и он сам тоже не хухры-мухры – чего-то да стоит. И кое-какой материал по химии

тоже поднакопал. Так что к переходу Алекс прибыл вполне себе воодушевленным. И тут такой облом!

«Ладно, будем рассуждать логически, – мысленно начал парень, когда немного успокоился: – Портал был? Был. Свечение я видел. Значит, всё должно работать! Но не работало. Почему? Слетела привязка конкретно ко мне? Вариант... – Алекс скрипнул зубами. – Черт, не надо было пропускать прошлый год! – после чего вздохнул: – А с другой стороны, я в прошлом марте ещё весь перемотанный ходил после пластической операции – ну и куда было лезть? Да и Аракеляны здесь тогда сидели – не вышибить. Всё-таки домик у меня вполне симпатичный получился. И оригинальный. Да и восстановили его очень неплохо. Так сказать, с изюминкой. Потому-то и пришлось сейчас решать так радикально – пожаром. Иначе существовала большая вероятность, что полностью избавиться от присмотра Аракелянов не удастся... Ладно, ещё варианты есть? Хм-м-м... Есть! Например, этот портал может быть односторонним. И работать поочередно: один год открывается возможность перебраться в прошлое, а другой – в будущее. То есть нынешний работал из прошлого в будущее, как оно всё и получилось бы, не пропусти я прошлый год, а вот следующий... – Алекс приободрился. А затем, ещё чуть подумав, понизил вероятность первого из рассмотренных вариантов: – И версия со слетевшей привязкой конкретно ко мне, пожалуй, не катит. В прошлые разы портал вполне себе пропускал других людей – того же гестаповца или «товарища Вернера»... Убивал – это да, но пропускал же! А меня в этот раз просто не пустил. Значит, скорее всего, дело не в слетевшей привязке, а в чем-то другом. И самым вероятным «другим» кажется именно вот такое поочередное срабатывание портала».

Повеселев от подобных выводов, Алекс выбрался наружу из полусгоревших развалин и, перехватив поудобнее чемодан с распечатками, побрел в сторону дороги. В принципе чемодан можно было и бросить. Вся информация, которая была в чемодане, имелаась у него и в электронном виде. Алекс знал по собственному опыту, что то будущее, из которого он отправляется в прошлое, неминуемо исчезает, и поэтому не забивал себе голову всякими мелочами типа очистки жестких дисков на домашнем компе или какого-то иного уничтожения следов своей деятельности... Вот только хрен его знает, кто найдет брошенный чемодан? И что дальше будет с этой находкой? То есть, скорее всего, законопослушные швейцарцы сдадут чемодан в полицию. А вот дальше – возможны варианты. И если первый, заключающийся в том, что полицейские, проведя короткое расследование и пару дней поискав возможного владельца, просто сдадут найденное в бюро находок и забудут о нем – его вполне устраивал, то вот любые другие, базирующиеся на том, что швейцарские

полицейские окажутся куда более въедливыми и заинтересуются – а откуда в этих глухих местах взялся чемодан, наполненный распечатками на русском языке по вопросам довоенного развития СССР, сулил большие проблемы. Ему же подобные проблемы на хрен не нужны. Алексу здесь ещё год куковать... Поэтому парень упорно волок чемодан на себе, несмотря на то, что уже через полкилометра тот начал изрядно оттягивать ему руки.

До деревни Алекс добрался, уже еле волоча ноги. Всё-таки бумага – вещь очень тяжелая... Но дальше стало полегче. Потому что из деревенской таверны удалось дозвониться до Жака. Хотя хозяин и изрядно удивился, почему одетый хотя и вычурно-старомодно, но точно богато, господин не имеет мобильного телефона... Слава богу, его слуга и телохранитель ещё не успел не только выехать из Швейцарии, но и сдать машину в офис рент-кара. Так что сразу же выдвинулся обратно... Радовало и то, что и с документами тоже заморачиваться не придется. Документы и телефон Алекс, не сомневавшийся в том, что скоро пройдет через портал, оставил в машине. Ну, зачем они ему были бы нужны в прошлом-то? Тем более что телефон гарантированно сгорит. И в новом будущем тоже. Вот ни разу за три его возвращения «назад в будущее» не случилось так, чтобы не то что документы, но хотя бы банковские карточки оказались не то что идентичны, но хотя бы обладали близкими протоколами обмена данными с серверами. Вот он и засунул их все скопом в карман за передним пассажирским сиденьем той машины, которую они с Жаком арендовали в аэропорту для поездки в эту глушь...

Пока Жак добирался до Унтершехена, Алекс успел снять комнату в таверне и принять душ. А то после марш-броска с чемоданом от него так шибало потом, что у окружающих, вероятно, от подобных «ароматов» дыхание перехватывало. После чего спустился в зал и плотно покушал. Денег у него при себе, естественно, не было, но вскоре должен был появиться Жак с документами и карточками. Так что расплатиться будет чем...

До дома в Андорре они добрались только через неделю. Алекс, все эти три месяца носившийся из Европы в Россию, а потом в США и обратно, как «сранный рэкс», решил устроить себе небольшой отпуск и задержался в Люцерне на пять дней. Погулял. Попил кофе со знаменитым швейцарским шоколадом. Полюбовался на картины на мосту Капелльбрюкке. Вспомнил, как в одном из «будущих» жил в этом уютном и красивом городе... Торопиться смысла не было. Для подготовки к следующему переходу у него теперь был в наличии целый год. И это была просто уйма времени! Потому что во время прошлых попаданий

существенная часть того года, который он проводил «в будущем», уходила на то, чтобы легализоваться, получить доступ к своим деньгам, вжиться в мир, обзавестись связями и так далее. Сейчас же ему ничего подобного делать уже не требовалось. Всё было уже сделано. Так что трепещите все! Ох и развернется же он...

* * *

Судный день для ректора Николаевского кораблестроительного института, вопреки всем приметам, наступил не в понедельник и не в пятницу тринадцатого, а в четверг. Хотя ещё накануне ничего не предвещало неприятностей. В институте вовсю шла подготовка документов на получение статуса университета, прохождение которых через Минобразование было почти гарантировано. Так как и авторитет возглавляемого им учебного заведения ещё с советских времен был достаточно высок, и-и-и... что даже более важно, все требуемые суммы были уже давно занесены куда надо. Слава богу, доходы от сдачи в аренду коммерческим фирмам площадей, находящихся на балансе института, приносили неплохую копеечку. Да и другими способами заработка ректор отнюдь не ограничивался. Той же обналичкой[16 - Обнали?чка, обнал – распространённое с начала 90-х сленговое название действий, совершаемых хозяйствующими субъектами с целью уклонения от уплаты налогов и получения «чёрного нала»]. Слава богу, статус главного учебного заведения одной из кораблестроительных столиц бывшего СССР в городе всё ещё был вполне уважаем, так что уже также вовсю встраивающиеся в рынок «менты» пока не очень сильно совали нос в бухгалтерию вверенного его попечению учреждения. И появившиеся благодаря этому гешефтмахингу «неподотчетные средства» позволяли значительно ускорить продвижение подобных, сулящих ещё большие барыши, решений. А как вы думали? Скачок статуса это и куда более щедрое госфинансирование, подразумевающее не только увеличение возможностей напрямую пополнить собственный карман, но и построить за госсчет ещё некоторое количество тех самых площадей, которые пользуются таким спросом у «коммерсов», и землеотвод – новому университету ведь надо расширяться, и много иных не менее вкусных плюшек...

Так что директор с утра пребывал во вполне благодушном настроении. Ну до того момента, пока в его кабинет не влетела секретарша и, захлебываясь от испуга, не выпалила:

– Там менты... милиция... ОМОН то есть...

– Кто-о-о? – недоуменно протянул ректор.

– Ну, я же говорю, – нервно повторила секретарша, – ОМОН! Они уже... – но что там «они уже» ректору узнать было не суждено. Потому что дверь в кабинет распахнулась от мощного пинка, и внутрь нагло ввалились именно те, о ком ему сообщила секретарша...

И начался ад, затянувшийся на шесть часов. Полтора десятка дюжих парней в черной омовской форме, профессионально «успокоивших» нанятых ректором больше для пущего спокойствия арендующих площади «коммерсов», чем для защиты студентов, охранников, рассредоточились по этажам, контролируя ситуацию. Четверо в штатском засели в бухгалтерии, принявшись активно рыть, поднимая договора и бухгалтерские документы и выворачивая наизнанку все счета-фактуры и накладные, вплоть до закупки туалетной бумаги для комнаты отдыха ректора. Ещё трое таких же по-хозяйски разместились в его собственном кабинете. После чего омовцы принялись таскать к ним на допросы сотрудников института – от деканов до преподавателей и лаборантов, выдергивая некоторых прямо с лекций и семинаров.

Попытки ректора путем звонков «нужным людям» разузнать, чем вызван подобный беспредел, долго не приносили результата. А когда он сумел наконец-то докопаться до истины... то мысленно застонал... Черт, ну какого хрена он повелся на те испанские деньги?! Нет, всё на первый взгляд выглядело очень перспективно. Ректор прошёл хорошую школу «хозяйствования» и потому не полез наобум, а предварительно пробил тот испанский фонд по всем доступным ему каналам. И везде ему сообщили, что фонд – это некий «мусорник» какого-то богатого француза, захотевшего «поиграть в меценатство», за которым не стоит никого серьезного. Так что процесс естественного перехода дензнаков от иностранного лоха к умным и ловким людям, по всем расчетам, должен был пройти совершенно безболезненно. И вот на тебе! Как же это не вовремя...

То, что лицо, организовавшее этот наезд, настроено весьма серьезно, выяснилось довольно быстро. Потому что сумасшедший дом, частично даже сорвавший педагогический процесс, четвергом не закончился. И пятницей тоже. Только в понедельник измученному ректору, у которого напроць сорвались все планы на выходные, положили на стол акты выемки документов, означавшие как минимум перерыв всего этого ада. Собственные показания он подписал ещё в

субботу... После чего полиция наконец удалилась с территории вверенного ему учебного заведения. Зато уже через полчаса после их ухода в его кабинете нарисовалась не менее неприятная фигура...

– Мсье Ожеро! – ректор, осознавший, что перед ним сидит то самое лицо, которое и организовало ему все эти неприятности, рассыпался перед гостем буквально мелким бесом. А что вы хотите – с людьми, способными организовать нечто подобное тому, что ректор имел возможность наблюдать в последние четыре дня, ссориться ни в коем случае нельзя! А если это уже по каким-то причинам (например, по собственному скудоумию) случилось, умный человек приложит все усилия, чтобы как можно быстрее купировать подобную глупость. Вот только чем и как? Ну не деньги же этому французскому мультимиллионеру и крупному испанскому благотворителю предлагать? – Прежде чем перейти к тому делу, которое привело вас ко мне, считаю своим долгом принести самые глубокие извинения за крайнюю нерасторопность, проявленную моими подчиненными. К сожалению, я был совершенно не в курсе...

– Не надо, – русский у француза был с небольшим акцентом, но вполне понятный. – Ваших извинений мне вполне достаточно. Перейдем сразу к делу. Когда я могу получить материалы заказанных и оплаченных мной исследований?

– О-о-о, не сомневайтесь, все наши обязательства будут непременно выполнены в самое ближайшее время. Я лично...

– Не надо, – снова негромко повторил француз, заставив ректора недоуменно уставиться на него.

– В самое ближайшее не надо. Должен вам сказать, что подобные же «маски-шоу» в самое ближайшее время пройдут в заведениях, схожих с вашим профилем, ещё в Санкт-Петербурге и Архангельске. Хотя они, в отличие от вас, и представили в мой фонд свои доклады, но вот их качество меня совершенно не устроило, – француз сделал короткую паузу и закончил как припечатал: – Я готов платить. И платить хорошо. Но только за качественную работу. А за некачественную наказывать. Seriously наказывать. Даже если это потребует значительных финансовых затрат. Вы меня понимаете?

– Д-да... – хрипло протянул ректор. Черт! Вот почему менты были такими настойчивыми. Да их просто «зарядили». Блин-блин-блин... что делать-то, что

делать?!

* * *

Здание Николаевского кораблестроительного института имени Степана Макарова Алекс покинул спустя час после того, как в него вошел. И во вполне хорошем настроении.

С ректором они договорились почти полюбовно. Ну, то есть он приостанавливает «наезд», а ректор прилагает все усилия для получения Алексом устраивающего его результата. Непосредственное исполнение ректор, перебрав все кандидатуры, предложил возложить на «старейшего преподавателя нашего института». Который был немедленно выдернут с одной из лекций для собеседования с будущим работодателем. После какового Алекс понял, что общения с дедком из питерского Военно-морского музея ему избежать не удастся. «Старейший преподаватель» оказался вполне в теме и с ходу выдал довольно длинный список вопросов, без ответов на которые требуемого Алексом результата получить не удастся. А когда парень спросил, где эти ответы искать, архив питерского музея был назван в первой пятерке адресов... Кроме того, ректор клятвенно пообещал, что все запросы согласованного «научного руководителя» будут удовлетворяться им немедленно и в самом полном объеме. Ну, абсолютно все! От немедленного выделения личного директорского автомобиля до привлечения к исследованиям любого требуемого количества студентов и аспирантов...

Приведение «в рабочее состояние» всех контрагентов фонда на территории бывшего СССР у Алекса заняло около полутора месяцев и почти три миллиона долларов. Причем даже не везде потребовалось задействовать ОМОН... Но зато после этого пошла вполне серьезная и, похоже, плодотворная работа. Потом он около недели занимался прикупленным им фондом, разбираясь с результатами заказанного перед отъездом аудита, а затем вылетел в США. Потому что благодаря материалам, которые сделала та парочка согласившихся сотрудничать ещё до первой попытки перехода американских университетов, у него появилось понимание, что задачи, которые он ставил американцам, были сформулированы не совсем правильно. Но обратного понимания, то есть как именно их нужно сформулировать, у него, увы, пока так и не появилось. Вследствие чего он решил сначала хотя бы немного повысить свой уровень образования в области экономики, ну и обсудить свои «хотелки» с умными

людьми. Тем более что особенной организации это не требовало. Большинство американских «экономических гуру» вполне практиковало то, что именовалось «консультациями» или «приватными лекциями», беря за них вполне приемлемую почасовую оплату. Ну, для него приемлемую...

Из этого своего американского вояжа Алекс вернулся в середине лета. Слегка охреневшим. От сделанных им самых невероятных открытий. Он-то предполагал, что, поскольку экономическая наука развивается уже не одну сотню лет, у нее уже есть вполне корректные и наработанные правила. Ну как в химии. То есть типа подаешь в реактор одно вещество, нагреваешь его до определенной температуры, добавляешь к нему второе – и, хоть усрись, результат будет однозначным. Хрена! Одни и те же финансово-экономические действия, предпринятые в приблизительно одних и тех же экономических условиях, в разных странах давали совершенно разные результаты. Причем зачастую прямо противоположные! Да, возможно, при принятии решений на их осуществление были учтены не все исходные данные и переменные, но, черт возьми, если вы занимаетесь наукой – извольте проанализировать все полученные результаты и сформировать расширенный пул исходников и переменных, которые необходимо учитывать. Да черта с два! Подобные попытки либо просто не предпринимались, либо напрочь вязли в остервенелых спорах представителей различных экономических школ. Причем приверженцы тех из них, из постулатов которых и было выведено неудачное решение, как правило, настаивали на «эксцессе исполнителя», то есть, типа, выданные рекомендации были абсолютно верными, но воплощались в жизнь недостаточно настойчиво, без должной поддержки государства, либо слишком недолго, чтобы стал заметен благотворный эффект, вследствие «исчерпания политической воли к продолжению реформ»... ну и всё такое прочее. В ответ их оппоненты категорично заявляли, что ничего хорошего и ждать было нельзя. Потому что сама теория – полное фуфло... Вследствие чего Алекс решил по возвращении из путешествия дать себе хотя бы пару недель отпуска. Ну, чтобы его буквально вскипающие мозги за это время пришли хотя бы в какой-то порядок. А уж потом начать формулировать задания...

Но запланированного отпуска не получилось. Потому что уже через восемь дней его вызвал тот дедок из Военно-морского музея, с которым он по возвращении из Николаева полностью восстановил сотрудничество (что стоило ему почти полутора часов весьма ехидной выволочки), связав его напрямую сначала со «старейшим преподавателем» из Николаевского кораблестроительного, а затем и с группами, сформированными в Питере и Архангельске. Дедок весьма категоричным тоном заявил, что у них «сложился некоторый консенсус» по трём вариантам возможного развития РККФ[17 - РККФ (Рабоче-Крестьянский Красный

флот) – название Советского военно-морского флота до 1946 года.] в начале тридцатых годов, так что теперь «уважаемому заказчику» надо выбрать один из этих трех вариантов, чтобы они занялись более детальной проработкой именно его. Для чего просто необходимо его личное присутствие...

К удивлению Алекса, на этот раз дедок сильно ехидничать не стал. Только окинул его прищуренным взглядом и, хмыкнув, протянул:

– Значит, говоришь, писатель-фантаст...

Парень несколько смущенно улыбнулся. Да уж, с этим моментом он протупил. Ну откуда у неизвестного писателя-фантаста деньги на подобные исследования...

Разговор затянулся часа на три. Дедок явно получал удовольствие от того, что может в свое удовольствие, так сказать, «возить носом по столу» тупенького неумеху, который к тому же ещё за это и платит. Впрочем, делал он это вполне добродушно. К тому же Алекс ещё во время своего американского вояжа вполне себе освоился с ощущениями «ученика-первоклашки», параллельно практически восстановив все те навыки и приемы обучения, которыми пользовался ещё во время учебы в «Губке». Так что особенного дискомфорта не испытывал. Да и тупеньким неумехой тоже себя не сильно-то и ощущал. Поскольку с момента прошлой встречи успел немного посидеть на пока ещё редких флотофильских форумах и почитать кое-что. Так что был более-менее в теме. И оказался способным как минимум задавать не совсем глупые вопросы.

– Э-э... что-то я не понял, – прервал он очередной дедов спич. – Я тут читал, что американские легкие крейсера типа «Атланта» сами американцы считают неудачными проектами, показавшими себя в войне крайне слабо. Зачем же нам брать их в качестве образца легких крейсеров?

Дедок окинул его снисходительным взглядом и, ткнув локтем сидящего рядом с ним «старейшего преподавателя», ради этой встречи прилетевшего из Николаева, с которым они плотно «спелись», ухмыльнулся:

– Соображает!

– Дело в том, молодой человек, – вступил в разговор гость с Украины, – что как состав флота, так и характер боевых действий на море у нас и у американцев

очень сильно отличались. И нашим действующим флотам категорически не хватало кораблей, которые, скажем, англичане квалифицировали как крейсера ПВО. В то же время Советский Союз просто и финансово, и физически не сможет построить к войне столь много крейсеров, чтобы какую-то существенную часть из них почти исключительно заточить под задачи ПВО. Так что нам нужен легкий крейсер, с одной стороны, в первую очередь нацеленный на задачи ПВО, а с другой – способный при этом с достаточной эффективностью закрыть и весь остальной спектр задач, возлагаемых на легкие крейсера – от рейдирования к вражеским берегам до поддержки десантов. И здесь тип «Атланта» с его шестнадцатью пятидюймовками главно-универсального калибра в качестве образца вполне неплох. При том, что подобный набор вооружения ещё позволит стандартизировать набор вооружения с остальными классами кораблей, без чего, увы, никакого более-менее приемлемого флота у СССР к войне не получится. Не хватит ни сил, ни технологических возможностей, ни финансов... Хотя, конечно, его требуется довольно значительно переделать и модернизировать. Особенно в области систем управления огнем...

К концу третьего часа обсуждения Алекс уже поплыл. Хотя и изо всех сил старался, так сказать, «держаться в теме». Время от времени «радуя» собеседников вопросами:

– Так – стоп! Я не понял – а почему вы предлагаете первыми строить именно тяжелые крейсера? Где тут принцип – «от простого к сложному»? Или: не вы вот полчаса тому как утверждали, что СССР к концу двадцатых утратил все компетенции в кораблестроении?

– Ну, во-первых, не все, иначе он и сторожевики типа «Ураган» не потянул бы, но многие. А во-вторых – в том-то и дело! Первыми будут строить те корабли, которые уже кем-то были построены. То есть технология их постройки уже отработана, а сами они успели наработать кое-какую историю эксплуатации. Типа «Атланта»-то к двадцать девятому году даже в проекте нет... Потому что большая часть компетенций в области кораблестроения, которыми обладала Российская империя, в СССР к концу двадцатых годов была практически утрачена. Сами посудите – все первые образцы советского кораблестроения – и сторожевые корабли типа «Ураган», и лидеры эскадренных миноносцев проекта один, – тут Алекс кивнул, поскольку по поводу последних дедок его просветил ещё в прошлый раз, – и подводные лодки типа «Декабрист» с их просто никакой остойчивостью в подводном положении оказались весьма неудачными. Да, они выполнили очень важную задачу, дав возможность РККФ подготовить личный

состав, а советским конструкторам – пройти хорошую школу, но сами конструкции были откровенно слабыми и с массой врожденных недостатков. Поэтому, если перед нами ставится задача избежать подобных проблем, путь у нас один – копирование. Впрочем, как я уже говорил, не абсолютно идентичное. Упомянутый вами проект всё-таки существенно отличается от прототипа. Например, имеет абсолютно другую, так сказать, более традиционную главную энергетическую установку. Другой набор вспомогательного и зенитного вооружения. Совершенно другие системы управления и связи, которые, кстати, тоже ещё только предстоит создать... И по водоизмещению он у нас получился почти на две тысячи тонн тяжелее прототипа. Но в основе будет проект именно что уже созданных и к моменту закладки наших образцов уже активно эксплуатируемых кораблей, технологии постройки которых были отлично отработаны при строительстве целых трех единиц серии...

Когда Алекс наконец-то покинул обоих старичков, бывший капитан второго ранга несколько мгновений молча пялился на закрывшуюся за спиной парня дверь, а затем наклонился и привычным движением вытащил из стоящей в углу тумбочки бутылку водки с парой граненых стаканов. Молча разлив водку по стаканам, он взял свой в руку и задумчиво произнес:

– А скажи мне, Тарасик, ты веришь, что вот это вот всё наш юный друг делает именно по тем причинам, которые нам были озвучены?

Гость из Николаева несколько мгновений помолчал, потом наклонился и, вытянув руку, стукнул ободком своего граненого стакана о емкость хозяина, после чего залпом опрокинул водку себе в рот. Выдохнул. Крякнул. И негромко произнес:

– Нет.

– И-и-и? – поинтересовался бывший капитан второго ранга. – Есть какие-нибудь предположения?

– Есть. Только фантастические, – усмехнулся николаевец. – И я тебе так скажу – я молиться готов на то, чтобы они оказались правильными. И пахать как шахтер. Ночами не спать!

– Это-то – да, – задумчиво кивнул хозяин. – И, значит, что?

– Что?

– Значит, надо подумать, как и чем ему ещё помочь! Понял мысль?

– Так о то ж! – его собеседник расплылся в понимающей улыбке. А дедок между тем озабоченно насупился.

– Вот только неосторожный он. Если даже два таких старых пня, как мы с тобой, начали кое о чем догадываться, то и кто-то ещё может...

Глава 3

– Сеньор Ожеро! Сеньор Ожеро!.. – До Алекса как-то даже и не дошло, что зовут именно его. За шесть с лишним месяцев, прошедших с момента того неожиданного фиаско у портала, Алексу удалось довольно сильно расширить свой собственный кругозор. И не только в области экономики. Технологии производства стержневых ламп, виды оптического стекла и используемые для этого присадки и микродобавки, чем отличаются дизеля с вихревым и пленочным смесеобразованием, рабочие режимы крекинговых реакторов... его бедная голова постепенно заполнялась таким количеством разной информации, что ночами он частенько часами не мог заснуть. Потому что стоило ему прикрыть глаза, как перед его взором начинали вертеться всякие формулы, графики, таблицы, технологические карты и всё такое прочее... И вовсе не потому, что он занимался всем этим самостоятельно, нет. Да он бы от этого уже через месяц головой двинулся! Но вот читать или хотя бы бегло просматривать всё, что присылали ему специально нанятые для поиска всех этих вещей люди, парню приходилось. Ибо как иначе понять, что присланные ему материалы не полное фуфло, которым от него тогда пытались отделаться его бывшие сограждане (ну во время того трехмесячного периода лихорадочной подготовки к переходу), а действительно чего-то стоят... Так что днем Алекс иногда чувствовал себя этаким сомнамбулой. И потому на всякие внешние раздражители реагировал с большой задержкой.

– Сеньор Ожеро, подождите же! – в этот момент парень, наконец, осознал, что его зовут, и, остановившись, развернулся. Догнавшая его сеньорита Амайя была

дамой... м-м-м... выдающихся достоинств. И его единственной сотрудницей. Не считая Жака, конечно. Но Жак – это же совсем другое дело... Когда он в прошлом году прикупил дышащий на ладан благотворительный фонд, то поначалу не стал заморачиваться никаким аудитом. Всё равно фонд нужен был ему только в качестве прикрытия. Да и в качестве него – всего лишь на три месяца... Так что когда в марте, то есть перед самой его поездкой в Швейцарию, к порталу на имя Алекса пришло грозное уведомление из испанской королевской налоговой службы, в котором в очередной раз был перечислен весь букет задолженностей и нарушений, допущенных прикупленным им фондом, а также содержалось грозное требование наконец-то навести во всем этом порядок, парень решил на него просто забить. До перехода оставалось всего чуть больше недели – так что хрен с ним! Перейдёт – и все подобные проблемы развеются как дым... Но когда переход не удался, стало очевидно, что что-то делать с фондом всё-таки придется. На простом игнорировании требований структур, подобных королевской налоговой службе, ещё год никак не протянуть. Уж они-то быстро сумеют заставить себя уважать. Налоговики в нормально организованном государстве – дело жутко мощное. Они вон когда-то самого Аль Капоне посадили, с которым всё ФБР во главе с легендарным Гувером годами справиться не могло... Но чтобы это «что-то» поправило, а не, наоборот, усугубило ситуацию, следовало сначала разобраться, какие у него действительно имеются проблемы и каковы пути их решения. Так что, ещё собираясь в Николаев, Алекс заказал аудит, по итогам которого поувольнял на хрен всю прежнюю верхушку фонда и большую часть технического персонала. А сеньориту Амайю оставил. Потому что она оказалась единственной не замешанной ни в чем предосудительном... Впрочем, довольно скоро до Алекса дошло – почему... И это знание его совершенно не обрадовало.

Дело в том, что, несмотря на то, что сеньорита Амайя внешне была жгучей брюнеткой, во всем остальном она представляла из себя классическую блондинку из анекдотов. Ну, прям один в один! Поэтому задействовать её в какой-либо из махинаций или коррупционных схем, на которые, как выяснилось по итогам аудита, прежнее руководство фонда оказалось мастерами, было бы весьма чревато в первую очередь именно для этих махинаций и схем. Потому-то её никто в них и не втягивал. Вследствие чего она и оказалась единственной сотрудницей фонда с, так сказать, незапятнанной репутацией... Но это же и послужило причиной определенных проблем. Потому что то, что Алекс не уволил ее, как всех остальных сотрудников фонда, включая и самого директора, было расценено сеньоритой Амайей как лучшее подтверждение собственной неотразимости, поразившей нового «главного спонсора» в самое сердце. А что у людей могут быть какие-то другие побудительные мотивы для каких-то

поступков, нежели желание переспать с кем-то, просто не укладывалось в ее очаровательной головке... И всё бы ничего – ну мало у кого какие в голове тараканы, но это коренным образом изменило её поведение, которое до всех этих перипетий выглядело вполне адекватным...

– Как я рада, что увидела вас! Я пыталась вам дозвониться, но вы опять были недоступны.

Алекс мысленно усмехнулся. Сеньорите Амайе до сих пор было неизвестно, что в мобильном телефоне имеется такая фишка, как «черный список». Алекс активировал её после того, как она умудрилась в течение одного дня набрать его номер раз двадцать пять. Причем ни один из звонков не нес в себе никакой адекватной информации, а был всего лишь попыткой очередной раз донести до этого тупого молодого человека, что она вовсе не против с ним переспать. Для чего ему нужно всего лишь быть чуть-чуть понастойчивей. Потому что не может же столь великолепная сеньора сама проявлять подобную инициативу. Это же просто неприлично! А Амайя – девушка приличная, что, однако, совершенно не исключает... ну вы поняли, короче... Да и вообще лишь процентов пять ее звонков несли хоть какую-то полезную информацию. Однако испанское законодательство оказалось устроено таким образом, что уволить сеньорину было совершенно невозможно. Просто не за что. Она вовремя приходила на работу, старательно отвечала на все звонки, вовремя вставляла в принтер и факс закончившуюся бумагу, как положено выключала свет в туалете – то есть увольнять её было вот совершенно не за что! А если бы он попытался это сделать – парня ждали бы очень большие проблемы с профсоюзами... Вследствие чего Алекс решил плюнуть на несбыточные мечты и просто максимально ограничить общение. В конце концов, у него не пожарная часть и не «Скорая помощь», в работе которой порой важны даже секунды, так что эти пять процентов полезной информации вполне могут потерпеть до «контрольного звонка», который он собирался делать раз в сутки. Ну, на всякий случай. Мало ли, кто позвонит и что предложит? Впрочем, установив это правило, он почти сразу же начал его беспардонно нарушать...

– Слушаю вас, сеньорита Амайя, – испанским он уже овладел, хотя и на начальном уровне. Сотен пять слов. Общаться в быту вполне хватало, но тонкости терялись. Впрочем, с французским было ещё хуже... Поэтому с сеньоритой Амайей он разговаривал в основном по-английски.

– Сеньор Ожеро, – сеньорита сделала паузу, призывно колыхнув внушительным бюстом, минимум четвертого размера, затем весьма зазывающе облизнула губки и продолжила: – Сегодня в офисину приходил один весьма представительный мужчина и интересовался вами...

– Вот как? И зачем же? Он хочет стать благотворителем нашего фонда?

– Нет.

– Он хочет предложить проект?

– Нет, что вы! – сеньора Амайя окинула Алекса возмущенным взглядом. Типа как он вообще мог сказать такую глупость! – Он из СЕСИД!^[18 - CESID, Centro Superior de Informacion de la Defensa - Высший центр информации и обороны. Специальная служба Испании. В нашей реальности расформирована в 2001 году после того, как всплыли факты об участии этой структуры в подготовке военного путча.]

Оп-па. У Алекса засосало под ложечкой. Черт, где он вляпался? Почему испанские спецслужбы им заинтересовались? Он практически не вел никакой деятельности в Испании. Ну, кроме этого фонда. Но с этой стороны, по идее, к нему не могло быть никаких претензий. Наоборот, после той ревизии он решил не жмотиться и покрыл все долги и недоимки по налогам и, более того, ещё и влил в спонсируемый университет солидную сумму. А чего жадничать? Всё равно после его перехода в прошлое это будущее исчезнет (непонятно, вообще или только для него – но ему-то какая разница), а при возвращении в новое будущее все деньги на счетах снова восстановятся и даже если он, в прошлом, не будет полным лохом и слегка напряжётся, то даже и приумножатся. Потому что после каждого его перехода в прошлое обратно он уже переходил в то будущее, которое образовалось уже после его перехода. Без него. То есть если он крайний, так сказать, раз ушел в будущее и более его в прошлом не было... Так откуда проблемы?

– Вот как? И что же было нужно этому господину?

– Поговорить с вами. Вот, он оставил визитку, – и сеньорита протянула ему маленький белый кусочек бумаги, не забыв при этом ещё раз призывно колыхнуть бюстом. Но Алексу в настоящий момент было совсем не до её

прелестей.

– О, спасибо, сеньорита Амайя, – рассеянно произнес он, взяв визитку. – Вы мне очень помогли...

Сеньор Руи-Новайо Бесерра оказался полным и весьма жизнерадостным мужчиной. Он вполне благосклонно отнесся к предложению Алекса провести их встречу не у него в кабинете, а в каком-нибудь уютном кафе, где, придирчиво изучив меню, отдал предпочтение традиционной паэлье, присовокупив к ней бутылочку «Риохи Гран Резерва» одного из наиболее удачных годов. Встреча, или, скорее, обед, также прошла весьма непринужденно. Сеньор Бесерра сыпал шутками, весьма остроумно прошелся по собственной теще и последней, прямо-таки бездарной игре «Реала». То есть вел себя весьма по-дружески и не очень-то демонстрируя желание переходить к главному предмету встречи. Так что когда сесидовец насытился, Алекс решил взять инициативу в свои руки.

– Не подскажете ли, сеньор Бесерра, чем моя скромная персона могла заинтересовать СЕСИД?

– О-о, сеньор Ожеро, нашу контору ваша скромная персона совершенно не интересуется, – добродушно отозвался сесидовец, осторожно, но умело разливая по бокалам остатки вина из бутылки. – За мой визит в ваш фонд, как и, кстати, за нашу сегодняшнюю встречу можете благодарить наших коллег из-за океана.

У Алекса снова засосало под ложечкой. И на этот раз куда сильнее, чем в тот момент, когда он только услышал о том, что им заинтересовались секретные службы. Вот как раз в США он развернулся во всю ширь. Да и вообще американцы – это было куда серьезнее...

– Вот как? И чем же я их так заинтересовал?

Сесидовец пожал плечами.

– А мне откуда знать? – он легкомысленно взмахнул рукой: – Да не напрягайтесь вы так. Ребята из ФБР плавают в золоте[19 - Испанский аналог русской

пословицы: «Денег куры не клюют».], не то что мы. Так что, скорее всего, это обычная «отработка флажка».

– Отработка флажка? – озадаченно спросил Алекс.

– Ну да, – сесидовец поднял бокал, поднёс его к носу, с явным удовольствием принюхался, после чего сделал большой глоток и пояснил: – Вы никогда не задумывались, почему вполне себе средним людям, служащим в правоохранительных органах, практически всегда удается поймать любых, даже самых умных, талантливых и изощренных преступников? Ведь гениальные сыщики типа того же Шерлока Холмса или комиссара Мегрэ на самом деле существуют только в романах. А в жизни разбираться с преступлениями приходится таким вот серым, скучным и унылым типам без особенных физических и интеллектуальных достоинств типа меня.

– Ну, уж так-таки без особых достоинств? – улыбнулся Алекс.

– Увы – истинно так, – усмехнулся сеньор Бесерра. – Просто я умею хорошо притворяться... Так вот, могу вам сказать, что нам удастся ловить любых умников благодаря особому секретному оружию, которое называется... – тут сесидовец сделал многозначительную паузу, окинул своего собеседника горделивым взглядом и торжественно произнес: – ЗАПРОС!

Алекс несколько мгновений озадаченно пялился на него, а затем, не выдержав, расхохотался. Его собеседник, добродушно улыбаясь, дождался, пока он успокоится, а затем продолжил:

– Зря смеетесь. Всё именно так и есть. Ни один одиночка, каким бы умным, талантливым и гениальным он ни был, неспособен сколько-нибудь долго противостоять «машине». Потому что, пусть даже «машина» и состоит из весьма серых и примитивных «винтиков», – она неумолима, всеобъемлюща и никогда не спит. Так что обычный более-менее умелый «винтик», знающий, как именно работает эта система, способен изловить любого гения. Вот, например, представьте такую ситуацию – преступник действительно гениален и не оставляет практически никаких следов. С чего начинается работа сыщика? С составления запроса на обход всех окрестных квартир, офисов и магазинчиков. После чего десятки унылых серых людей, и в подметки не годящихся нашему гениальному преступнику, начинают день за днем, упорно стучаться в двери

разных людей и задавать им одни и те же, крайне скучные и однообразные вопросы. И вот, спустя пару недель, появляется несколько зацепок. Преступник мог быть одет в синий макинтош, или в зеленую куртку, или в старую шляпу. Что делает наш унылый и скучный сыщик? Правильно – он составляет следующий запрос. Даже несколько. На поиск людей, одетых в синий макинтош. Или в зеленую куртку. Или, там, с большой бородавкой на носу... А потом, получив очередную порцию информации и проанализировав ее, он снова составляет запрос. Например, на владельцев синих макинтошей, которые с пятого по двадцатое июля могли находиться в Алкала де Энарес. А потом ещё пять-шесть, да даже двадцать или тридцать запросов – и всё! Преступник опознан, загнан в угол, и ему ничего не остается, как сдаться. Слышали выражение: «Система бьет класс»?

Алекс согласно кивнул.

– Вот то-то и оно... – наставительно произнес сеньор Бесерра.

– Но при чем здесь «флажки»?

– Ну-у-у... у нас так называют неперсонифицированные запросы, запускающиеся автоматически. Вы же, как мне сообщила великолепная сеньора Амайя, – при воспоминании о ней сесидовец аж причмокнул, – кроме спонсорской помощи нашему университету ведете и какие-то исследовательские программы в США?

– Ну да, но ничего такого я не...

– Ну, вот – скорее всего, на какой-нибудь из тем этого вашего «ничего такого» в какой-нибудь канцелярии и архиве и стоял подобный «флажок», то есть требование – в случае проявления интереса к данному вопросу немедленно проинформировать ФБР. А у них сразу же запустился унылый канцелярский механизм по формированию очередного запроса, – и сеньор Басерра весело рассмеялся. А Алекс поежился. Блин, полученная информация весьма полезна, но осознавать, что буквально случайное движение пальцем может привести в движение неумолимую машину, способную размазать тебя слоем толщиной едва ли больше миллиметра, было... пугающе.

– Ну, так во что такое вы вляпались, сеньор Ожеро? – отсмеявшись, перешел к делу сесидовец. – Мне же надо будет писать отчет. Судя по запросу, вы

интересовались какой-то весьма замшелой историей, случившейся десятки лет назад. Это убийство Кеннеди? Нет? Или ваши исследования затрагивали американскую атомную программу? Опять нет? Тогда, может быть, ракетную? Хм-м... А вы не интересовались интернированием японцев[20 - Интернирование япо?нцев в США – насильственное перемещение в специальные лагеря около 120 тысяч японцев (из которых 62 % имели американское гражданство) с западного побережья США во время Второй мировой войны.] во время Второй мировой? Хотя бы краем. Тоже нет? Странно... – сеньор Бесерра задумался. – Может, инцидент в Паламаресе?[21 - Инцидент с ядерным оружием, произошедший 17 января 1966 года, когда американский стратегический бомбардировщик «В-52» с термоядерным оружием на борту столкнулся с самолетом-топливозаправщиком «КС-135» во время дозаправки в воздухе. В результате катастрофы погибли 7 человек и были потеряны четыре термоядерные бомбы. Три из них приземлились на суше и были найдены сразу, четвёртая, упавшая в море – лишь после двухмесячных поисков. Впрочем, это ещё не самый вопиющий случай. Например, одну из четырех термоядерных бомб потерянных американцами в Гренландии в 1968 году, не нашли до сих пор...] И снова нет? Ну тогда я не знаю... А какие именно исследования вашего фонда связаны с нашим заокеанским союзником?

– Наши исследования затрагивают куда более давнее время. Мы интересуемся периодом Великой депрессии.

– Бинго! – сесидовец довольно откинулся на спинку диванчика и вновь сделал большой глоток.

– Вы серьезно? – удивился Алекс. – ФБР отслеживает исследования, связанные с Великой депрессией?

– А как вы думали? – усмехнулся сеньор Бесерра. – Никакому государству не понравится, когда кто-то будет копать в их грязном белье, а уж этому нашему «Сияющему граду на холме»... – да-да, в этой реальности американцев не любили ничуть не менее, чем во всех прошлых. В том числе и в его «изначальной». Даже их собственные союзники. Нет, речи официальных лиц были крайне... м-м-м... «верноподданными» и, если можно так выразиться, слащавыми, но вот простые люди в подавляющем большинстве европейских стран относились к США весьма негативно. Вне зависимости от того, где они жили и кем работали. И, прожив в Европе даже весьма недолго, парень начал понимать почему...

– Но что там можно накопать? – озадаченно спросил Алекс. – По Великой депрессии написаны тысячи книг и сотни тысяч статей. Ее исследованием занимались сотни различных фондов. Этот период уже давно полностью препарирован и разложен по полочкам...

– Думаете? – усмехнулся сесидовец. – А вы часто встречали в этих исследованиях информацию о том, что в период Великой депрессии в стране погибло от голода от пяти до восьми миллионов человек? Причем все они погибли именно в тот момент, когда оптовики, чтобы поддержать цены на продовольствие, массово уничтожали продукты – мясо и зерно сжигали в топках, а молоко просто выливали на землю или сливали в канализацию.

– Сколько? – изумленно выдохнул Алекс. – Но... как же... – раньше он считал, что подобные цифры имеют отношение только к «преступлениям сталинизма». Всякие там «голодающие Поволжья»[22 - Голод в СССР в 1921–1922 годах. Наиболее массово им были охвачены регионы Поволжья и Южного Урала, а всего он свирепствовал в 35 губерниях. Советское Центральное статистическое управление оценивало демографические потери в период с 1920 по 1922 год в 5,1 млн человек.] или тот же «голодомор»[23 - Голод в СССР 1932–1933 годов. По различным источникам, демографические потери в этот период составили от 3 до 7 млн человек. Наибольшее относительное число потерь (в процентом отношении от населения) пришлось на Казахстан, наибольшее абсолютное – на РСФСР. Но постмайданные власти Украины утверждают, что этот голод был целенаправленным геноцидом именно и только украинского народа. Для чего на Украине был введен даже специальный термин – «голодомор»], который, помнится, активно продвигали на Украине. Но в «благословенных» США, буквально лопающихся от золота, выкачанного из Европы в период и после Первой мировой войны... сесидовец, улыбаясь, молча пожал плечами.

– Но-о-о... почему же я никогда... это же невозможно скрыть!

– А это и не скрывается, – спокойно пояснил сеньор Бесерра. – Потому что бессмысленно. Нет ничего тайного, что рано или поздно не стало бы явным. Но вот сделать так, чтобы те, кто озвучивает нечто подобное, считались широкой публикой и большей частью раскрученных и находящихся в центре публичного поля исследователей жалкими маргиналами, – в этом они мастера. А если некую информацию озвучивает жалкий маргинал, от которого, ну понятное же дело, ничего, кроме всяких глупых бредней, а то и откровенных фейков и ждать

нечего – то, соответственно, любая озвученная им информация в глазах подавляющего большинства также становится маргинальной. И уже никого не интересует – насколько она правдива на самом деле.

Алекс задумался. Интересно, и какие из его запросов, которые он отправлял в американские университеты и исследовательские центры от имени фонда, привлекли подобное внимание. Биржевые спекуляции тех времен? Вряд ли... Ну кого могут заинтересовать стратегии игры на бирже в условиях биржевого кризиса, произошедшего много десятков лет назад? Это же чистой воды виртуал! Составление списка наиболее высокотехнологичных предприятий из числа не переживших Великую депрессию или испытывавших во время ее наибольшие трудности? Тоже мимо. Списки разорившихся компаний нефтяного сектора? Судя по тому, что нарыл уже сам Алекс, СССР практически до начала пятидесятых испытывал перманентный дефицит как геологоразведочного оборудования, так и персонала, подготовленного для работы на нем. Так что имущество разорившихся компаний этого сектора совершенно точно будет ему в тему. Как и их сотрудники. Ну-у-у... хрен его знает. Перечень предприятий-разработчиков и производителей военной техники и вооружения, также испытывавших самые большие трудности в этот период? Ведь многие из них являются производителями оружия и военного оборудования и сегодня. Да тоже бред! Ну, кому придет в голову искать какие-нибудь современные секреты и тайны в сведениях многодесятилетней давности. Или нет? А может, тут некие личные побудительные мотивы? Он заказал студенческим исследовательским фондам нескольких американских провинциальных университетов списки инженеров, конструкторов и мастеров все тех же высокотехнологичных предприятий, которые потеряли работу в те времена. Таковых оказалось довольно много. И часть из них позже стала довольно известными профессионалами в своей области, отметившимися серьезными инновациями и изобретениями... Возможно, кто-то из их потомков стал весьма влиятельным лицом, и ему очень не понравилось, что некто посторонний копается в прошлом его семьи? Но вроде как сесидовец говорит о некой, так сказать, «автоматической» реакции. Бррр, да тут голову сломать можно...

– М-м-м... должен вам сказать, сеньор Бесерра, что мне даже в голову не приходит, какие из исследований по тем далеким временам, профинансированных нашим фондом, могли бы привлечь внимание. Уж чем-чем, а демографическими потерями мы точно не интересовались...

Они проговорили больше часа, в конце которого сесидовец вполне дружески посоветовал ему свернуть все исследования фонда в «дружественной стране», и Алекс заверил его, что непременно так и сделает. Тем более что к настоящему моменту к нему уже поступили практически все заказанные им доклады, которые, правда, ещё предстояло обработать. Например, свести все предложенные стратегии игры на бирже во время Великой депрессии, которые он заказал ажно шести контрагентам – от Гарвардского университета и Дартмутского колледжа до Лондонской школы бизнеса и Стокгольмской школы экономики. Конечно, можно было заказать нечто подобное и профессиональным аналитическим центрам типа того же Блумберга, Института Брукингса или Института Гувера при Стэнфордском университете, и результат, скорее всего, оказался бы даже как бы не лучше. Но Алекс изначально пытался представить свои заказы как некие «университетско-студенческие» исследования, опасаясь привлечь излишнее внимание. И, как стало понятно после сегодняшнего разговора, совсем не зря...

До своего дома неподалеку от деревеньки Аринсаль в Андорре он добрался уже в темноте. Сначала перелет «бизнес-джетом», а потом ещё два с половиной часа по горным дорогам на «Дэймлере», на котором Жак приехал за ним в аэропорт Барселоны. Так что когда Алекс, приняв душ и поужинав, заперся наконец-таки в своем кабинете, было уже далеко за полночь.

Устроившись за столом, он открыл почту и быстро просмотрел сообщения, скопившиеся за неделю его отсутствия. Черт, как бы всё было проще, если бы это можно было сделать с телефона. Но увы, ни о 5G, с которыми он распрощался ещё после первого провала в прошлое, ни даже о каком-нибудь плохоньком 2G пока невозможно было мечтать... Почему так произошло – Алекс не знал, но предполагал, что дело в сильно понизившемся, вследствие слабости СССР после войны, уровне мировой конкуренции. Казалось бы, в этой реальности США смогли подгрести под себя даже больше ресурсов, чем в той, из которой Алекс начал свои прыжки «назад в будущее». То есть уровень развития технологий, которые зародились и распространились по миру из самих США, должен был бы оказаться куда выше, чем в другой истории. Ан нет – ни хрена! Всё было хуже. Намного или на немного – но хуже...

Сообщений накопилось масса. Алекс уныло вздохнул и занялся сортировкой. Вообще, чем дальше, тем больше ему становилось очевидно, что взваленная им на свои плечи задача существенного апгрейда экономики СССР оказалась для него совершенно неподъемной. Даже с учетом того, что он задействовал в

подготовке материалов почти три десятка университетов и других исследовательских структур из шести стран мира. Зачем так много? Ну, так ведь увеличение выборки всегда повышает достоверность исследований, не так ли? Как выяснилось – не так. Ну, или далеко не всегда. И, как позже выяснилось, Алекс со всего размаху вляпался как раз в эти самые «не всегда».

Идея была следующей – несколько групп исследователей из различных университетов и исследовательских фондов готовят собственные доклады, а также рецензируют доклады коллег, после чего Алекс собирает их вместе на некую конференцию, которая и вырабатывает самые точные и верные совместные рекомендации. Ведь в споре, то бишь в научной дискуссии, и рождается истина! Хрена! Как выяснилось, если в одном месте собрать парочку-тройку ученых, исповедовавших различные экономические теории, они тут же вцепятся друг другу в глотки! Так что уже через пару дней работы итоговой конференции, организованной им в отеле Seminar-und-Wellnesshotel в Штоссе, у него стал дергаться глаз и напрочь пропал аппетит. А как иначе-то, если вся эта ученая братия только что в рукопашную не сходилась... Одни орали, что массовая коллективизация является настоящей бомбой, заложенной под сельское хозяйство страны, закономерным итогом которой стала полная деградация этого самого сельского хозяйства, самым ярким признаком чего стало то, что Россия, до Первой мировой войны «кормившая всю Европу», в семидесятых-восемидесятых годах плотно села на иглу закупок зерна в США и Канаде, без которых «стране победившего социализма» грозил натуральный голод. И главным признаком этой деградации стало начавшееся немедленно по проведении коллективизации и затянувшееся аж до самой войны падение валового сбора зерна и производства мяса[24 - Увы, факт. Валовой сбор зерна с момента окончания Гражданской войны неизменно рос, начав с 37,6 млн тонн в 1921-м (голод в Поволжье) и до 83,5 млн тонн в 1930 году. А сразу после проведения сплошной коллективизации резко упал, до 50 млн тонн в 1932-м, или 56 млн тонн в 1936-м, превысив результаты 1930 года только в 1937 году.]. Причем всё это несмотря на массовое вливание в колхозы тракторов и иной сельскохозяйственной техники, коим эта самая коллективизация во многом и оправдывалась. Мол, на узких крестьянских наделах ни трактору, ни комбайну не развернуться, а их применение ух как сразу же подбросит производительность труда и повысит урожаи! Ну и где, скажите на милость, эти урожаи?... Другие же отбивались тем, что да, валовое производство-то упало, но вот товарного-то хлеба стало больше в разы! Да и упало ненадолго, а в тридцать седьмом опять возросло. И росло всё время существования СССР. На что оппоненты ехидно замечали, что это не производство возросло, а просто считать стали по-другому. Мол, до тридцать второго года считали сухое зерно в амбарах,

а после – сырое и на корню, то есть в поле, просто вычитая из полученного результата десять процентов на потери, реальный процент каковых, кстати, в колхозах и совхозах никогда не падал ниже двадцати, а то и двадцати пяти. А в тридцать седьмом и эти несчастные десять процентов перестали учитывать. Отсюда и скачок бумажных показателей. При жутком дефиците и регулярном введении карточек в реале... На что первые категорически заявляли, что всё это ложь и инсинуации, и воинственно интересовались, а как их оппоненты без колхозов собираются пережить войну? Или хотя бы бороться с новыми «хлебными стачками»[25 - Вызванные «военной тревогой» 1927 года и попытками сельхозпроизводителей и перекупщиков вынудить государство установить более высокие цены на зерно недопоставки хлеба на рынок в объемах нескольких миллионов тонн. Вследствие чего уже к ноябрю 1927 года возникли перебои с обеспечением хлебом некоторых крупных промышленных центров.], которые в неколлективизированном сельском хозяйстве будут просто неизбежны... При этом обе стороны регулярно апеллировали к Алексу как некоему третейскому судье, а он отчаянно плавал даже в терминологии! Ну вот скажите, что такое «денежный агрегат М2»? И почему одни считают, что он должен быть куда важнее, чем «денежный агрегат М0», притом что вторые настаивают, что всё наоборот. И ведь есть ещё и третьи, считающие, что первые две группы оппонентов сильно недооценивают «денежный агрегат М1», а также и четвертые, которые настаивают, что в условиях существовавшей в СССР кредитно-банковской системы с жестким разделением наличных и безналичных денег значение всех этих «агрегатов» оппонентами сильно переоценивается...

Впрочем, по кое-каким вопросам мнения оппонентов совпадали. Так, например, все дружно критиковали правительство СССР, летом тысяча девятьсот двадцать девятого года напрочь отвергнувшее все предложения компании «Де Бирс»[26 - De Beers – международная корпорация со штаб-квартирой в ЮАР, образованная в 1888 году и до 1970-х годов являвшаяся практически монополистом в области добычи, обработки и продажи алмазов и бриллиантов, контролируя временами до 95 % всего мирового рынка этих камней.] и заявившее, что само справится с продажей алмазов, добытых на вновь открытом месторождении в Якутии, координаты которого, кстати, Алекс когда-то лично передал Сталину. Мол, сами с усами – справимся... Ну что сказать – какой-то объем ювелирных алмазов высшего качества Союзу продать, конечно, удалось, но по столь заниженной цене и в результате таких усилий, что ни о какой прибыли и речи быть не могло. Да и с использованием технических алмазов также получились большие сложности. «Де Бирс» приложила все усилия, чтобы максимально затруднить СССР покупку оборудования, позволяющего наладить собственный выпуск алмазного инструмента, вследствие чего его производство до начала войны

страна развернуть так и не смогла. А на импортный инструмент «Де Бирс» смогла так взвинтить цены, что он стал для СССР практически золотым. Ну, или реально алмазным... То есть вследствие всего одного неправильного управленческого решения якутские алмазы вместо того, чтобы стать источником дополнительного валютного дохода и средством повышения технологического уровня промышленности, почти на пятнадцать лет стали для страны настоящей чёрной дырой, вытягивающей из неё массу сил и средств и почти ничего не дающей взамен. Увы, довоенный СССР не обладал достаточными силой, авторитетом и влиянием, чтобы так вести себя с мировым монополистом...

Короче, послушав всё это, Алекс взвыл, проклял всё на свете и просто сбежал из отеля, категорически заявив, что требует непременно составления совместного доклада, простимулировав возможные потуги к сотрудничеству всех непримиримых сторон обещанием, в случае появления такового, выписать всем участникам исследований дополнительную премию в размере половины уже полученного гранта. Ибо после нескольких дней личного пребывания на конференции четко понимал, что без подобной стимуляции ничего удобоваримого получить не удастся от слова совсем... Они старались. Честно. Но докладов, в результате немыслимых всеобщих усилий, всё равно оказалось два. Впрочем, и это Алекс посчитал огромным достижением. Хотя не преминул мстительно срезать обещанную сумму премиальных на треть. А что – он был в своем праве! Деньги-то он обещал за единый совместный доклад, а такового не получилось...

После этого Алекс категорически отказался от очных встреч групп исследователей и перешел на прием и перекрестное рецензирование докладов от всех остальных исключительно по электронной почте. Но это помогло не очень. Потому что вал информации был настолько большим, что даже на простое прочтение полученной информации уже перестало хватать времени...

Большая часть сообщений после короткого просмотра улетела в папку, названную «Для чтения». А вот парочкой он решил заняться прямо сейчас. Раскрыв первое, он углубился в текст. Потом залез в Сеть. Никакой Википедии здесь пока не было, да и общий объем доступной в Сети информации был на пару-тройку порядков меньше того, к которому он привык ещё в те времена, когда и не думал ни о каком «попаданстве», но кое-что накопать можно было и в этой Сети. А если не хватало и этого, то все полки в его кабинете были заставлены массой энциклопедий и справочников, которые он скупал чуть ли не контейнерами. Ну, вернее, последнее время уже не столько он, сколько Жак,

имевший задачу во время отсутствия Алекса раз в неделю наведываться в книжные магазины Барселоны и Тулузы и закупаться там всеми новинками в этой области... Спустя десять минут Алекс прервался и, вскочив с кресла, быстро подошел к полке и вытянул один из томов. Потом задумчиво окинул взглядом соседние полки и вытащил ещё парочку потоньше. После чего вернулся к столу. Ему предстояло разобраться, что из предложенного – бред, а что реально, ну или как минимум его стоит рассматривать хотя бы как предложение. А там пусть господин-товарищ Сталин со товарищи сами разбираются...

– Та-ак... – удовлетворенно пробормотал парень себе под нос, спустя полчаса открывая одну из своих запароленных папок. – Первое – в топку, а эту идейку, пожалуй, добавим сюда-а-а...

В этом файле у него хранились предложения по образцам оружия, лицензии на которые следовало бы закупить СССР, чтобы сразу начать производить те образцы, которые будут очень полезны для страны во время войны. Например, знаменитые шведские зенитные автоматы «Бофорс», калибра сорок миллиметров. Первые их образцы были разработаны как раз в двадцать восьмом – двадцать девятом годах. Или те же не менее знаменитые немецкие «ахт-комм-ахты». В том же двадцать девятом калибр совместной шведско-немецкой зенитки с индексом м/29 был увеличен с семидесяти пяти миллиметров до тех самых восьмидесяти восьми. Что и привело к рождению того самого «ахт-ахта»... Ограничиться только чертежами после того, что он узнал и услышал за последние полгода, Алекс посчитал бессмысленным. Всё равно по одним чертежам производство не развернуть, а вот если купить лицензию, да ещё и включить в договор оказание технической помощи в освоении – то перспективы вырисовывались куда более радужные. Но для этого требовалось как минимум знать, что и у кого покупать...

Поначалу Алекс попытался минимизировать «военку», ограничившись одним флотом. И первые несколько месяцев всё вполне себе шло в соответствии с этими планами. Ну почти... Но вскоре после того, как он очередной раз вернулся из Питера, это желание полетело вверх тормашками... Началось всё с того, что ему снова позвонил отставной капитан второго ранга из питерского Военно-морского музея и категоричным тоном заявил, что Алексу необходимо срочно приехать. Только почему-то не в Питер, а в Москву. Где он познакомит парня с одним «очень знающим человеком», способным сильно помочь. Где и в чем помочь – старший научный сотрудник Центрального музея Военно-морского флота до личной встречи конкретизировать отказался.

«Очень знающим человеком» оказался такой же дедок, местом работы которого оказался Центральный музей Вооруженных сил. А когда ошеломленный Алекс попытался вякнуть что-то насчет того, что он как-то не собирался углубляться в военное дело настолько глубоко, бывший капитан второго ранга категорически заявил, что это никак не получится. Мол, РККФ-то в Испанской гражданской войне участвовал очень ограниченно[27 - Стоит помнить, что это не совсем наша реальность.], только обозначал присутствие и иногда охранял конвои, зато РККА[28 - РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия) – название Советской армии до 1946 года.] проявила себя в полной красе. К тому же вот-вот скоро, в течение буквально года-двух после указанного им как новая отправная точка двадцать девятого года, СССР будет закупать новые лицензии и образцы в области вооружения, боевой техники и авиационного двигателестроения. И заметная часть денег, выделенных на эти закупки, была потрачена бездарно. Так что если гипотетически рассматривать варианты, при которых эти деньги можно было бы потратить более разумно, а, как ему кажется, задачи заказанного исследования подобного не исключают, то лучшего консультанта, чем «уважаемый Семён Лукич», просто не найти. Аргументация Алекса встревожила. Как-то не очень это коррелировало с только что озвученными целями относительно Испанской гражданской войны, но поскольку отставной капитан второго ранга не стал в это углубляться, парень решил не усугублять ситуацию неосторожными вопросами. Тем более что до перехода оставалось уже не так много времени...

В Москве Алексу пришлось провести более двух недель. И всё это время он послушно таскался за «уважаемым Семёном Лукичем» по залам и уличным выставочным площадкам его родного музея, слушая увлекательные рассказы человека, реально влюбленного в свое дело. Впрочем, одним музеем дело не ограничилось. Четыре дня они потратили на Кубинку[29 - Бронетанковый музей в городе Кубинка – один из крупнейших в мире музеев, экспонирующих бронетехнику различных видов и исторических периодов. На открытых площадках и в павильонах экспонировано более 350 единиц бронетанковой техники из 14 стран мира. Был создан на основе коллекции техники, собранной в 38-м Научно-исследовательском испытательном институте бронетанковой техники (38-й НИИИ БТТ).]. Три дня на Монино[30 - Центральный музей Военно-воздушных сил – музей истории развития авиационных технологий, располагается в посёлке Монино Московской области.]. А перед самым отлетом на два дня они с «экскурсоводом» смотались в Питер, где весь световой день лазали по Артиллерийскому музею[31 - Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Распологается в Санкт-Петербурге, на кронверке Петропавловской крепости. На сегодняшний день

коллекция музея насчитывает свыше 850 тысяч экспонатов. Во дворе музея представлено свыше 200 образцов пушек, САУ, ракетных комплексов и несколько танков.]. Впрочем, в последнем они занимались не столько артиллерией, ее и в Музее Вооруженных сил было предостаточно, а связью, инженерным делом и системами разведки. Всё это «уважаемый Семён Лукич» почему-то ставил куда выше, чем любое оружие и боевую технику.

– В бирюльки вы играетесь, – ворчал он. – Оружие, корабли, танки... Для победы в войне и той техники и оружия, что и так на вооружении были – вполне достаточно. Так что ежели ты, писатель (похоже, Алекса ему представили именно в этой ипостаси), хочешь реально что-то хорошее описать – так не надо никаких этих ваших «вундерваффей»[32 - Вундерваффе (нем. Wunderwaffe) – букв. «чудо-оружие». Термин, введенный в оборот германским Министерством пропаганды как совокупное название ряда масштабных исследовательских проектов, направленных на создание новых видов вооружений (например, крылатых и баллистических ракет) либо создание новых единиц артиллерии и бронетехники, применение которых должно непременно предотвратить поражение рейха и принести ему победу. В русском Интернете есть ироничное словообразование от этого слова – «вундервафля».] описывать. Удешевить производство того, что и так производили, да какие образцы на год-другой раньше в производство запусти – и всё! С головой хватит! И тем, что было, знаешь сколько можно полезного сделать... Но даже и это необязательно, если одну только связь и разведку улучшить. И тактику. Да что там говорить – даже если вообще ничего не делать, а просто истребительную авиацию на «пару»[33 - Боевые уставы ВВС РККА на начало войны в качестве минимальной тактической единицы истребительной авиации предусматривали звено, состоящее из трех самолетов. При резких маневрах это приводило к тому, что один из самолетов неминуемо отрывался и «вылетал» из построения, что делало его намного более уязвимым для атак. Переход истребительной авиации РККА на «пару» и, соответственно, звено из четырех самолетов, то есть двух «пар», произошел в сентябре-ноябре 1942 года, хотя первые предложения по этому поводу подавались ещё во время Испанской войны.] перевести и успеть новую тактику до двадцать второго июня освоить, то потери истребителей в первую же неделю процентов на десять сократить можно, – потом подумал и нехотя поправился, – ну, минимум, на пять... но и это знаешь как помочь может!

Раздражение Алекса испарилось ещё в первый день. Уж больно живо и интересно ему всё рассказывали. Нет, всё сказанное на веру он не принимал. Например, все эти сентенции насчет неважности оружия и сильной важности связи, разведки и тактики. Ну есть же логика! Сами подумайте – если против

солдата с мушкетом времен какого-нибудь «Луя XIV» выйдет солдат с автоматом Калашникова, то кто из них победит? То-то же... Но старичка явно было не переубедить. Так что Алекс, не споря, под предлогом того, что «это будет интересно читателям», всё время старался аккуратно развернуть разглагольствования «уважаемого Семёна Лукича» на уже через пару дней страшно увлекшее его всё это brutальное стреляюще-грохочущее железо. Недаром же считается, что оружие магически действует на любого мужика... Нет, после столь короткого, так сказать, «посвящения в тему» специалистом во всем этом он, конечно, не стал, но и полным профаном уже не являлся.

А вообще он диву давался тому, сколько всего нового ему удалось узнать за прошедший год! Да, черт возьми, – текущий период пребывания в будущем стал для него какими-то сплошными университетами. Учись он так в своем прошлом университете – точно закончил бы его за пару лет...

Так что с «уважаемым Семёном Лукичом» они расстались вполне по-приятельски. И выказанная ему Алексом благодарность была вполне себе искренней. Финансово это выразилось не только в весьма щедрой сумме, врученной столь неожиданно нарисовавшемуся «гиду» по всякому стреляющему сухопутному железу, но и в открытии целой, так сказать, кредитной линии, которая должна была дополнить и конкретизировать уже полученные Алексом знания целым пулом докладов, справок и чертежей, подготовленных как самим Семёном Лукичом, так и теми специалистами, которых он сочтет нужным привлечь к работе.

– Чё уж там, – смущенно бормотал старик, неловко засовывая в карман торжественно врученный ему Алексом конверт с гонораром. – Придумаем чёнить, чтоб, значить, читателю вашему поинтересней было... «Вудерваффу» какую, ага... Но я вот серьезно говорю – главное связь, разведка и тактика. Хотя-я-я... на двадцать девятый год ни хрена ещё здесь не сделаешь. Даже полевых телефонов и то жуткая нехватка, а уж радиостанции... – и он сокрушенно махнул рукой.

Ну а ещё одним итогом этого вояжа стал как раз вот этот файл, который он завел после возвращения из Москвы... Нет, совершенно понятно, что в подготовленных Семёном Лукичом материалах всё это непременно тоже будет, но Алексу было интересно подготовить подобную справочку самому. А потом сравнить с тем, что сделают профессионалы. И вообще, всё, связанное с оружием, теперь стало для него уже не столько работой, сколько увлечением.

Формой отдыха. И он иногда, вечерами, открывал присланные из Питера, Москвы или Николаева файлы и увлеченно читал их, чувствуя, как у него в голове начинают выстраиваться некие логические цепочки, а информация, ранее казавшаяся комком сума, начинает постепенно раскладываться по полочкам... Нет, давать какие-то рекомендации, основываясь только на своем собственном мнении, он всё равно бы не рискнул, но внятно изложить чужие предложения и ответить хотя бы на часть возникших после этого вопросов Алекс уже был вполне способен. Ну, ему так казалось...

Та идея, которую он решил сегодня добавить в файл, являлась развитием уже записанного им предложения насчет того, чтобы, не дожидаясь, пока Дегтярев допилит свой «ДШК», купить у американцев лицензию на производство «браунинга М2». Судя по отзывам на «железачных» форумах, это была вполне годная машинка. Одно то, что этот самый М2НВ стоит на вооружении американской армии, авиации и флота аж с тысяча девятьсот тридцать второго года и до сих пор – говорило само за себя. Нет, судя по тому, что Алекс вычитал на разных оружейных форумах, «ДШК» также был весьма неплох. Вот только «допиливали» его из пулемета Дрейзе и дегтяревского же ручника «ДП-27» почти десять лет. И «допилили» до окончательно годного варианта только к тридцать восьмому. Вследствие чего всю войну в РККА ощущался жуткий дефицит крупнокалиберных пулеметов. А в случае с покупкой «браунинга» был шанс получить в войска ничуть не худший агрегат уже в году эдак тридцать третьем – тридцать пятом. И к сорок первому можно было вполне успеть насытить им войска. Да и снабжение боеприпасами по ленд-лизу очень бы сильно упростилось... Новое же предложение заключалось в том, чтобы не ждать тридцать второго года, пока инженеры «браунинга» проведут модернизацию и наконец-то сделают тот самый знаменитый «браунинг М2НВ», а прямо в двадцать девятом году закупить лицензию на производство его немодернизированного варианта. Это, по идее, могло не только заметно уменьшить сроки разворачивания производства крупнокалиберных пулеметов, да ещё и существенно сэкономить. Дело в том, что, несмотря на то, что предшественник «браунинга М2НВ» крупнокалиберный пулемет «браунинг М1921» был создан ещё в начале двадцатых, на начало тысяча девятьсот двадцать девятого года он даже не находился в серийном производстве и, по существу, лежал на фирме мертвым грузом. Так что покупка лицензии на него в этот момент должна была обойтись куда дешевле. В то же время по принципу работы, основному устройству и большинству частей и механизмов «браунинг М1921» был почти идентичен своему знаменитому потомку. Самым главным отличием старого образца был толстый ствол с кожухом водяного охлаждения, напоминающий сильно увеличенный в размерах ствол пулемета «максим». То

есть его модернизация в тот вариант, которым американцы пользовались до сих пор, по идее, не должна была составить особенных затруднений. Особенно с учетом того, что Алексу не составляло особенного труда приволочь и чертежи модернизированного варианта. Причем в разных модификациях – от пехотной до зенитной и авиационной. Как уже упоминалось, «браунинг М2» во Второй мировой войне использовался американцами в очень широкой номенклатуре и постасей. Так что, наладив производство старого образца, перейти на новый уже не представляло бы особенных затруднений. Уж если не создание производства с нуля, то модернизацию на основе представленных чертежей советские оружейники того времени должны были потянуть... Тем более что накатывающая Великая депрессия вполне позволяла при необходимости нанять пару-тройку американских инженеров-оружейников или, там, технологов, причем даже, при удаче, из числа тех, кто делал модернизацию М1921 до варианта М2 в реальности. Ну, чтобы они не только модернизировали М1921 в М2, но ещё и «допилили» этот новый, модернизированный вариант под имеющуюся в СССР технологическую базу. Или помогли с ее необходимым апгрейдом. Лучше заплатить деньги за новые станки и работу конструкторов и технологов, чем переплачивать за лицензию «новейшего» образца вооружения...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Испанский грипп, или «испанка» – пандемия гриппа, охватившая мир в 1918–1919 гг. По оценкам, в мире ею было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты того времени. Умерло приблизительно 50—100 млн человек или 2,7–5,3 % населения Земли. Эпидемия началась в последние месяцы Первой мировой и быстро обошла этот крупнейший на тот момент вооружённый

конфликт по масштабу жертв.

2

Hottinger&Associates Zurich AG – один из старейших банков Цюриха.

3

Fallout (англ. – «Выпадение радиоактивных осадков») – компьютерная ролевая игра, действие которой происходит в мире, пережившем ядерную войну.

4

Несмотря на то что расовая сегрегация законодательно была запрещена определениями Верховного суда США ещё в 50-х годах XX века, фактически сегрегация в транспорте, школьном образовании и общественных местах в некоторых городах Юга действовала до 70-х годов.

5

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (англ. House Un-American Activities Committee) – комиссия палаты представителей конгресса США, действовавшая в 1934–1975 годах. Создана для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой» и в первые годы после создания была сосредоточена на противодействии фашизму. В 1938 году получила статус временной комиссии, в 1946-м – статус постоянной комиссии. В 1969 году переименована в «Комиссию по внутренней безопасности». С юридической точки

зрения прилагательное «неамериканская» (un-American) означало деятельность, источники финансирования которой находились за рубежом. Кстати, член этой комиссии Хорас Джереми Вурхис был инициатором так называемого «Акта Вурхиса», иначе именуемого «Законом об иностранных агентах». То есть власти США начали непримиримую борьбу с «финансируемыми из-за рубежа НКО» ещё в первой половине XX века...

6

Джозеф Рэймонд Маккарти – американский сенатор-республиканец крайне правых взглядов, с чьим именем связывают период политических гонений, известный как маккартизм.

7

Маккарти действительно страдал алкоголизмом и умер от «гепатита» (это так скромно обозвали цирроз печени) в больнице города Бетесда в возрасте 48 лет 2 мая 1957 года. Более чем за полтора года до окончания своих полномочий.

8

В нашей реальности США уже к концу 1947 года имели более 30 ядерных бомб, а в случае взятия курса на скорую ядерную войну их производство, несомненно, должно было быть увеличено.

9

Первая серия крупных военных кораблей, созданная в СССР. Страдал множеством недостатков. Так, на полном ходу нос настолько сильно задирался, что не позволяло эффективно задействовать системы вооружения, на среднем – корабль плохо слушался руля, а на малом ходу вообще не слушался. Корпус получился слишком слабым. Вследствие чего невозможно было вести залповую стрельбу. Опасные напряжения, возникавшие в районе полубака с корпусом, создавали риск перелома корабля пополам при любом более-менее серьезном волнении. И так далее...

10

ГЭУ – главная энергетическая установка.

11

План первой пятилетки СССР был принят в мае 1929 года V съездом Советов и «уточнен» (в сторону увеличения всех плановых показателей) в 1930 году, после XVI съезда ВКП(б). Итоги пятилетки: электроэнергия – запланировано 22 Гвт/фактически произведено 13,5 Гвт, чугун – 10 млн т/6,2, млн т, трактора – 130 тыс. шт./48,9 тыс. шт., автомобили – 200 тыс. шт./23,9 тыс. шт. Так что, хотя по сравнению с началом пятилетки по большинству показателей был достигнут действительно вполне себе впечатляющий полтора-двух, а то и трех-пяти кратный рост, в реальности плановые показатели не были достигнуты...

12

Те?льман Хоре?нович Гдлян – советский и российский общественный и государственный деятель. Вместе со своим коллегой Николаем Вениаминовичем Ивановым расследовал так называемое хлопковое дело о коррупции в Узбекской ССР, после чего ушел в политику. Период его активной политической деятельности характеризуется небывалым взлетом преступности, в том числе и

чудовищным ростом коррупции.

13

Анатолий Александрович Собчак – советский и российский учёный-правовед, политический деятель, первый мэр Санкт-Петербурга. Доктор юридических наук. Один из наиболее известных российских демократов новой волны. Принимал участие в разработке первой Конституции РФ. Пришел к власти под лозунгами борьбы с коррупцией, партиократией и за демократию, однако во второй половине срока «прославился» громкими коррупционными скандалами и чрезвычайно вольным обращением с муниципальными деньгами, а также разгоном Ленсовета, вследствие чего проиграл выборы своему заместителю Владимиру Яковлеву.

14

Гавриил Харитонович Попов – советский экономист и российский политик. Доктор экономических наук. Один из видных лидеров демократического движения в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Мэр Москвы с 12 июня 1991 по 6 июня 1992 года. В Москве «прославился» тем, что полностью развалил городское хозяйство, буквально в течение нескольких месяцев приведя город в крайне удручающее состояние. Вследствие чего был вынужден уйти в отставку уже через год после избрания.

15

В этом варианте будущего СССР развалился уже в XXI веке.

16

Обнали?чка, обнал – распространённое с начала 90-х сленговое название действий, совершаемых хозяйствующими субъектами с целью уклонения от уплаты налогов и получения «чёрного нала».

17

РККФ (Рабоче-Крестьянский Красный флот) – название Советского военно-морского флота до 1946 года.

18

CESID, Centro Superior de Informacion de la Defensa – Высший центр информации и обороны. Специальная служба Испании. В нашей реальности расформирована в 2001 году после того, как всплыли факты об участии этой структуры в подготовке военного путча.

19

Испанский аналог русской пословицы: «Денег куры не клюют».

20

Интерни?рование япо?нцев в США – насильственное перемещение в специальные лагеря около 120 тысяч японцев (из которых 62 % имели

американское гражданство) с западного побережья США во время Второй мировой войны.

21

Инцидент с ядерным оружием, произошедший 17 января 1966 года, когда американский стратегический бомбардировщик «В-52» с термоядерным оружием на борту столкнулся с самолетом-топливозаправщиком «КС-135» во время дозаправки в воздухе. В результате катастрофы погибли 7 человек и были потеряны четыре термоядерные бомбы. Три из них приземлились на суше и были найдены сразу, четвертая, упавшая в море – лишь после двухмесячных поисков. Впрочем, это ещё не самый вопиющий случай. Например, одну из четырех термоядерных бомб потерянных американцами в Гренландии в 1968 году, не нашли до сих пор...

22

Голод в СССР в 1921–1922 годах. Наиболее массово им были охвачены регионы Поволжья и Южного Урала, а всего он свирепствовал в 35 губерниях. Советское Центральное статистическое управление оценивало демографические потери в период с 1920 по 1922 год в 5,1 млн человек.

23

Голод в СССР 1932–1933 годов. По различным источникам, демографические потери в этот период составили от 3 до 7 млн человек. Наибольшее относительное число потерь (в процентном отношении от населения) пришлось на Казахстан, наибольшее абсолютное – на РСФСР. Но постмайданные власти Украины утверждают, что этот голод был целенаправленным геноцидом именно и только украинского народа. Для чего на Украине был введен даже специальный термин – «голодомор».

24

Увы, факт. Валовой сбор зерна с момента окончания Гражданской войны неизменно рос, начав с 37,6 млн тонн в 1921-м (голод в Поволжье) и до 83,5 млн тонн в 1930 году. А сразу после проведения сплошной коллективизации резко упал, до 50 млн тонн в 1932-м, или 56 млн тонн в 1936-м, превысив результаты 1930 года только в 1937 году.

25

Вызванные «военной тревогой» 1927 года и попытками сельхозпроизводителей и перекупщиков вынудить государство установить более высокие цены на зерно недопоставки хлеба на рынок в объемах нескольких миллионов тонн. Вследствие чего уже к ноябрю 1927 года возникли перебои с обеспечением хлебом некоторых крупных промышленных центров.

26

De Beers – международная корпорация со штаб-квартирой в ЮАР, образованная в 1888 году и до 1970-х годов являвшаяся практически монополистом в области добычи, обработки и продажи алмазов и бриллиантов, контролируя временами до 95 % всего мирового рынка этих камней.

27

Стоит помнить, что это не совсем наша реальность.

28

РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия) – название Советской армии до 1946 года.

29

Бронетанковый музей в городе Кубинка – один из крупнейших в мире музеев, экспонирующих бронетехнику различных видов и исторических периодов. На открытых площадках и в павильонах экспонировано более 350 единиц бронетанковой техники из 14 стран мира. Был создан на основе коллекции техники, собранной в 38-м Научно-исследовательском испытательном институте бронетанковой техники (38-й НИИИ БТТ).

30

Центральный музей Военно-воздушных сил – музей истории развития авиационных технологий, располагается в посёлке Монино Московской области.

31

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Располагается в Санкт-Петербурге, на кронверке Петропавловской крепости. На сегодняшний день коллекция музея насчитывает свыше 850 тысяч экспонатов. Во дворе музея представлено свыше 200 образцов пушек, САУ, ракетных комплексов и несколько танков.

Вундерваффе (нем. Wunderwaffe) – букв. «чудо-оружие». Термин, введённый в оборот германским Министерством пропаганды как совокупное название ряда масштабных исследовательских проектов, направленных на создание новых видов вооружений (например, крылатых и баллистических ракет) либо создание новых единиц артиллерии и бронетехники, применение которых должно непременно предотвратить поражение рейха и принести ему победу. В русском Интернете есть ироничное словообразование от этого слова – «вундервафля».

Боевые уставы ВВС РККА на начало войны в качестве минимальной тактической единицы истребительной авиации предусматривали звено, состоящее из трех самолетов. При резких маневрах это приводило к тому, что один из самолетов неминуемо отрывался и «вылетал» из построения, что делало его намного более уязвимым для атак. Переход истребительной авиации РККА на «пару» и, соответственно, звено из четырех самолетов, то есть двух «пар», произошел в сентябре-ноябре 1942 года, хотя первые предложения по этому поводу подавались ещё во время Испанской войны.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/roman-zlotnikov/shveycarec-vozvraschenie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)